

ОТ ВЕЛИКОЙ ТИШИНЫ ДО ШЕМЯКИНОЙ СМУТЫ. ВОЕННАЯ ПРАКТИКА МОСКОВСКОЙ РУСИ

Аннотация: В статье на основе разбора сохранившихся сведений о военных действиях, в которых участвовало Московское княжество с 1329 по 1459 гг., рассматривается военная система Московской Руси.

Ключевые слова: войны Московской Руси, Великая Тишина, Династическая война, ратное дело, традиции войны.

В 2007 г. вышла работа Ю. Г. Алексеева «Походы русских войск при Иване III». Её по праву следует называть вехой в изучении русской военной истории Средневековья и раннего Нового времени. Войны сразу целой эпохи были показаны через наглядное и основательное исследование источников, в т. ч. с учётом социально-политических факторов. Только такой подход можно называть уровнем современной военно-исторической науки. Исследование сразу целой эпохи позволило обобщённо взглянуть на характер, способы ведения войн. Ю. Г. Алексеев показал войны через стратегическое управление и оперативно-тактические действия. Он показал этапы развития новой военной системы.

Такой подход требует продолжения, как по отношению к другим эпохам, так и в отношении исследуемых аспектов войн. В данной статье будут рассматриваться войны, предшествующие эпохи Ивана III, эпоха от Великой Тишины, когда военные традиции в определенной степени оказались объективно «заморожены» до войн смуты периода правления Василия II.

Стоит отметить, что при Иване III, ввиду резкого расширения границ (исчезновения прежних буферных зон из зависимых земель) и активизации внешней политики, военные события были более

насыщенными, чем в указанную эпоху. Можно говорить, что при Иване III страна находилась в постоянном военном напряжении, практически ежегодно происходили либо походы, либо отражение походов, либо крупные серии пограничных столкновений, либо сосредоточение войск на границе. Этим объективно задавались требования к формирующейся военной системе.

В отличие от эпохи Ивана III, источники о ходе военных действий Московской Руси, в основном ограничены летописями, которых в некоторых случаях можно дополнить сведениями из княжеских договоров, церковными письмами, а также небольшим числом имущественных документов. Так же о московско-литовской войне 1406-1408 гг. и Донской кампании 1380 г. есть немецкие источники и Хроника Яна Длугоша.

Поэтому для исследования виды военных действий нужно соотнести с летописной терминологией. Примечателен используемый с раннего летописания термин «воевали» (землю/волости/города). В собственном значении это даже не боевые столкновения, а разграбления территории и захвата в «полон» местного населения. Использование этого термина показывает традиционное значения опустошающих действий в войнах. Такой метод ведения войн был повсеместно распространён и активно применялся (для воздействия на неприятельскую сторону, а также для определённой «экономической выгоды»). Представляется необходимым при изучении войн рассматривать «тактику опустошения» с точки зрения функциональности, степени нанесения ущерба противнику, влияние на действия сторон. Ниже будут учитываться упоминание в летописях «воевание» (хотя

подобное упоминание или его отсутствие в каждом отдельном случае мог иметь свои причины, но при обобщении можно получить определённую картину). Разумеется, грабежи были обыденной вещью, и при «мирном» продвижении войска, но это несопоставимо с «воеванием».

«Воевание» могло происходить во время продолжительной осады, во время движения по неприятельской территории превосходящей его концентрированной массы войск. Однако с точки зрения эффективности принципиально выделяются набеговые действия. Это действия мобильных группировок и отрядов, способных осуществить глубокое продвижение по территории противника, уклоняться от встречи с превосходящими силами и даже благополучно выйти из боя. Вопросом является выявление в источниках описаний действия «загонов» (оторванных от основного войска мобильных отрядов, которые занимались «воеванием», фуражировкой, разведкой), а также борьба с ними. Последнее было в первую очередь делом таких же мобильных отрядов.

Чаще писали просто о «взятии» города, не уточняя метод. Это могло быть взятием «изгоном», то есть, внезапно. Могла быть капитуляция при приближении войска, практически без столкновений. Могла быть капитуляция после продолжительной осады («стояния под городом»). Говорить о штурме можно только когда использован оборот «лезли на стены» (термин «бились» мог подразумевать только дистанционный контакт: «бились со стен»; тоже можно сказать о термине «приступ»). Для полевого сражения использовали термины «сеча» и «битва» (для кровопролитного сражения использовали термин «побоище»). Описание хотя бы деталей сражения встречается редко. Если сторона атаковала, то писали «ударил на». Встречное столкновение обозначалось термином «ступилася». Не всегда ясно, было ли «правильное сражение» (войска противников, зная друг о друге, выстроились и вступили в столкновение), либо произошло внезапное нападение во время марша или стоянки. Стычки терминологически специально не выделялись, но обычно писали: противника «побиша/били» там-то

(сам характер такого боестолкновения обычно не выявлял победителя, поэтому сложно говорить была ли реальная победа).

Ограниченный объём данных о войнах требует соответствующей методологии. Ошибкой будет представить военную систему на основе реконструкций отдельных сражений, осад и прочих эпизодов. Более точная картина получится, если обобщать однозначные сведения по отдельным эпизодам всех войн изучаемой эпохи. Большое значение имеет выявление самого факта события (в источниках одно событие может оказаться продублированным), обозначение хронологии (если нет точных дат – время года, последовательность событий, длительность отдельных эпизодов), географические ориентиры.

Данных о численности войск очень мало (вопрос требует специального исследования – численные данные из летописей ниже будут приводятся с иллюстративными целями, без разбора). Некоторое представление о соотношении сил в различных кампаниях могут дать указания на командование. Высший уровень – это великий князь московский (Иван Данилович Калита, Семён Иванович Гордый, Иван Иванович Кроткий, Дмитрий Иванович Донской, Василий I Дмитриевич, Василий II Васильевич Тёмный). Второй уровень – это его близкий родственник. При Дмитрии Донском это был Владимир Андреевич Серпуховской, при Василии Дмитриевиче – его брат Юрий Звенигородский, в последние годы правления Василия Тёмного – его малолетний сын Иван. Можно выделить первого воеводу. При Дмитрии Донском это был Дмитрий Михайлович Боброк Волынский. Ниже уровень – различные удельные князья. Ещё ниже – городские и прочие воеводы. Командный состав по возможности определять по московскому летописанию, т. к. сторонние записи могут исказить реальность (называть знакомых им воевод, а не реального командующего).

Великая Тишина.

Период между ордынским разорением Тверской земли зимой 1327/28 г. («Федорчукова рать») и первым Московским походом Ольгерда в 1368 г. («первая

Литовщина») в летописях называли Великой Тишиной для Залесской (Северо-Восточной) Руси. Этот период отличался резким спадом военной активности. Московский князь был одновременно князем Владимирским, которому подчинялись все остальные князья Залесской Руси и признавал своим князем Новгород. Начавшаяся конфронтация с Литвой была завязана вокруг Новгорода, Смоленска и Пскова.

Военные кампании в основном представляли собой демонстрации силы (летописи при их описании не говорили о «воевании»). Такая практика была давно известна, но раньше далеко не доминировала. Боестолкновения были представлены рядом локальных эпизодов, заключавшихся в захвате или опустошении волости или города.

Летом 1329 г. Иван Калита с «низовыми полками» (войском Залесской Руси) и новгородскими войсками оказал давление на Псков, добившись изгнание беглого тверского князя¹. В 1335 г. Иван Калита собирался совершить поход на Псков, но отложил его. *«Того же лета, великому князю Ивану прихавшию в Торжок из Новагорода, воеваша литва Новоторжскую волость на миру; и послав князь великий, пожже городке литовьскыи Осечень и Рясну и иных городков много»*². Названные города находились в Ржевской земле (историческая часть Смоленского княжества), т. е. скорее набег был совершён оттуда (неясно, сидела там литва или литовские ставленники из местных князей). Зимой 1339/40 г. был поход на Смоленск соединённых залесских, рязанских и ордынских войск³ (о «воевании» волостей записано в Никоновской летописи, но эта поздняя вставка). При ордынском согласии город Смоленск остался за литовским ставленником.

Весной или летом 1333 г. и зимой 1340/41 г. московские князья Иван и Семён сосредотачивали «низовые полки» у Торжка,

принуждая Новгород к договору⁴. На фоне последнего конфликта, 1 октября 1341 г. Ольгерд сжёг посады Можайска. Также в том году литва «взяша» можайскую волость Тигощин, *«мужи и жены пожгоша и младенци»*⁵. Зимой 1337/38 г. войска, посланные Иваном Калитой, безуспешно пытался воевать в двинских владениях Новгорода, а весной или летом 1340 г. флотилия новгородских «молодцов» воевала Устюжну («пожгоша») и Белозерскую волость⁶.

После 1335 г. московские полки не приходили на помощь Новгороду. Когда в 1346 г. Ольгерд совершил поход на Новгород, то военного ответа со стороны Семёна Московского не последовало⁷. Вместо этого по жалобе Семёна в 1348 г. в Орде был задержан посол Ольгерда, и тот в 1349 г. пошёл на союз с Москвой⁸. Благодаря этому союзу весной или летом 1352 г. московские войска совершили успешный демонстративный поход против Смоленского княжества (Семён Московский неделю стоял на р. Угре, на смоленской территории). При прямом посредничестве Ольгерда Смоленск признал зависимость от Москвы⁹.

22 июня 1353 г. рязанские войска изгоном захватили пограничный городок Лопасню, пленив московского наместника¹⁰. Ответных действий со стороны нового московского князя Ивана Красного не было, и город остался за Рязанским княжеством.

В результате войн 1356-1365 гг., в который Москва не участвовала, Литва подчинила себе Смоленское княжество. Летом 1356 г. литовский ставленник вместе с

⁴Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 344-345, 353.

⁵Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Петроград, 1922. Стб. 53-54.

⁶Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 347-348, 351.

⁷Там же. С. 358-359.

⁸Симеоновская летопись. С. 96.

⁹Рогожский летописец. Стб. 60-61; Симеоновская летопись. С. 97-98; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950. С. 372. В Симеоновской летописи ошибочно написано «недель 10».

¹⁰Рогожский летописец. Стб. 63.

¹Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 342.

²Там же. С. 347.

³Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 92-93.

литвой сел в Ржеве. Летом 1358 г. волоцко-можайская рать «взяла» Ржеву, а «литвою выслали вон». Зимой 1359/60 г. Андрей Ольгердович «взял» Ржеву¹¹. Неясно, сопровождалась ли эти события серьезными столкновениями. Зимой 1361/62 г. «литва волости тферьские имали», а в 1362 г. Михаил Александрович Микулинский взял мир с Ольгердом¹².

Так же были демонстративные походы, связанные борьбой за княжеские престолы в Северо-Восточной Руси. В 1355 г. некий «князь Федор Глебович, собрав воя многы иде ратью к Мурому на князя Юрья Ярославича и согна его с города с Муром», в результате чего Фёдор Глебович, как московский ставленник, при ордынском согласии утвердился на Муромском престоле¹³. Зимой 1362/63 г., когда ярлыки на великое княжество Владимирское оказались одновременно и у Дмитрия Московского, и у Дмитрия Суздальского, Дмитрий Московский и Владимир Серпуховской совершили демонстративный поход к Переяславлю, против Дмитрия Константиновича Суздальского. Последний бежал в Суздаль, а Переславль был занят. Затем Дмитрий Московский во главе войска въехал во Владимир¹⁴. Одновременно был смещён Дмитрий Галицкий¹⁵. Затем, примерно летом, Дмитрий Суздальский пришёл во Владимир, но Дмитрий Московский опять выступил против него. Последний бежал в Суздаль, к которому подошёл Дмитрий Московский, стоял несколько дней, пока не заключили мир. Так же демонстрацией силы были смещён ростовский князь (московский ставленник прибыл с отрядом Ивана Ржевского)¹⁶. В 1363 г. «князь Василий во

*Тфери собрал бы рать к Микулина своего братанича на князя на Михаила и опять распустиша»*¹⁷. Зимой 1364/65 г. московские войска и войска Дмитрия Суздальского совершили демонстративный поход к Нижнему Новгороду, против Бориса Константиновича, который в итоге уступил Нижний Новгород своему старшему брату¹⁸.

Когда в 1348 г. произошло крупное нападение шведов, то Семён Московский выступил в поход, но не прибыл¹⁹. До 1322 г. «низовые полки» постоянно приходили на помощь Новгороду против немцев и шведов (точнее «низовые полки» последний раз упоминались в походе на Ландскрону в 1301 г., а в 1322 г. великий князь владимирский Юрий Московский возглавлял новгородцев в походе на Выборг). Затем московские полки появились в Ливонии только в 1460-е гг. (незначительным исключением является эпизод лета 1407 г., когда присланный на княжение в Псков брат Василия Московского, Константин, возглавил опустошительный поход псковского войска за р. Нарву²⁰). А со шведами снова стали воевать уже после ликвидации боярской республики в Новгороде.

Видно, что для московских войск продолжительный период Великой Тишины был периодом практически без боевого опыта. Единственной нарабатываемой практикой была организация сбора и выдвижения войск (как в зимнее, так и весенне-летнее время). Да и то, после Псковского похода 1329 г. и Смоленского похода 1339/40 г. уже не было таких продолжительных маршрутов. Причём после смерти Ивана Калиты в 1340 г. и до 1368 г.

1418 г. говорится, что московский ставленник прибыл в Ростов с Переяславля. В Лаврентьевской летописи, отражающей ростовское летописание, откуда он прибыл не уточняется. Следует принять это случайной вставкой позднего свода, обусловленной упоминанием Переяславля в предыдущих событиях. Это тем более актуально, что также в своде 1418 г. рядом стоит явная описка – Дмитрий Константиновича был согнан с великого княжества с Галича.

¹⁷Рогожский летописец. Стб. 75.

¹⁸Симеоновская летопись. С. 103.

¹⁹Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 360-361.

²⁰Новгородские и псковские летописи // ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 198.

¹¹Там же. Стб. 65, 67, 68.

¹²Там же. Стб. 72, 73.

¹³Симеоновская летопись. С. 99; Горский А. А. От земель к великим княжениям. "Примыслы" русских князей второй половины XIII-XV в. М., 2010. С. 114.

¹⁴Симеоновская летопись. С. 101.

¹⁵Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926–1928. Стб. 532.

¹⁶Рогожский летописец. Стб. 74; Лаврентьевская летопись. Стб. 532; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып.1. М., 2000. Стб. 435. Симеоновская летопись. С. 102.; В Симеоновской летописи сообщение о походе на Владимир и Суздаль продублированы и под следующим годом. В своде

мы видим стремление в принципе уходить от военных действий даже при нападении противника на московские или подконтрольные земли. В это время было только три операции за пределами Владимирского княжества: стояние у Торжка в 1340/41 г., Угорское стояние 1352 г., Ржевский поход 1358 г. Из них только последний не был символической демонстрацией. И это при том, что и при Иване Калите, после 1328 г., только Ржевский поход 1335 г. и Двинской поход 1337/38 г. можно назвать московскими боевыми наступательными операциями.

В Великую Тишину обозначились вектора ряда конфликтов: московско-литовская борьба за Ржевскую землю, литовская конфронтация на линии Смоленск-Можайск, конфронтация Олега Рязанского с московскими князьями, борьба за Нижний Новгород, московско-новгородское противостояние на направлении Торжок-Новгород (с пассивностью новгородцев) и в северных землях (с активностью новгородцев).

Великая Тишина закончилась фактически в 1367 г., когда началась московско-тверская война (с участием Литвы), а на нижегородские владения произошло нападение ордынцев.

Литовские и тверские войны.

Московско-литовская война 1367-1372 гг. Кровопролитные московско-тверские войны, связанные с борьбой за Владимирский престол, происходили ещё в начале XIV в. В 1367 г. начался конфликт между князьями тверского дома (вокруг наследования Городка), Михаилом Александровичем Микулинским (имел поддержку Ольгерда) и находившемся на тверском престоле Василием Михайловичем Кашинским (имел поддержку Дмитрия Московского). В итоге произошла московско-литовская война.²¹ В это время Литва активно

воевала с крестоносцами и поляками, а Московское княжество не отвлекалось на другие направления, не считая короткой войны с Рязань в декабре 1371 г. Этим компенсировалась диспропорция в ресурсах противников.

Летом 1367 г., когда Михаил Микулинский уехал в Литву, Василий Кашинский ходил рать к Твери, проводя репрессии своих противников. Затем с московской ратью, ходил к Городку, но не взял (тверское летописание говорит о «воевании» волостей и захвате полона московским войском). Осенью прибывший в Тверь Михаил Микулинский в свою очередь провёл там репрессии против своих противников. Затем с литовским войском пошёл на Кашин. О боевых столкновениях не упоминалось (ни московское, ни тверское летописание уже не говорит об опустошениях). Василий Кашинский пошёл на мир. Мирные договоры потом были заключены с другими князьями тверского дома и Дмитрием Московским. В этом году, вполне вероятно, серьёзных боестолкновений и опустошений не было.

Весной или летом 1368 г. Андрей Ольгердович Полоцкий «воевал» тверские волости Хорвач и Родню (возможно, находящиеся под властью противников Михаила Александровича). В тоже время Владимир Серпуховской «взял Ржеву, а литву отпустил». Затем Дмитрий Московский принудил Михаила Микулинского отдать Городок, куда сел князь Еремей Константинович Дорогобужский и московский наместник. 24 июля умер Василий Кашинский (Михаил Александрович юридически стал великим тверским князем), после чего московские войска вторглись в Тверское княжество, а Михаил Тверской бежал к Ольгерду.

Осенью Ольгерд осуществил стремительный марш через Верховские княжества. Были разорены земли союзного Москве Тарусского княжества. Из успешных собратся воинов (из Москвы, Коломны,

Таким образом, мы частично имеем взгляд с двух сторон.

²¹Рогожский летописец. Стб. 84-85, 87-91, 94-95, 99-100, 103-104; Симеоновская летопись. С. 106-113. Сведения Рогожского летописца, которых нет в Симеоновской летописи, взяты из тверского летописания.

Дмитрова) Дмитрий Московский организовал «строжевой полк»/ «заставу» во главе с двумя воеводами. Судя по названию этот отряд предназначался для наблюдения за ратью Ольгерда, для противодействия отделившимся от основного войска отрядам. Но у границы московского княжества, на р. Тросне 21 ноября Ольгерд разгромил эту «заставу». Затем Ольгерд подошёл к Москве, 3 дня стоял там, разорил окрестности, после чего было заключено перемирие. Московский наместник ушёл из Городка.

Война с Литвой и Тверью притихла. Затем Москва повела наступление на подконтрольные Ольгерду смоленские и верхнеокских земли. Об это известно из московского и тверского летописания и письма Ольгерда константинопольскому патриарху²². Во время этих походов, или даже в 1369 г., «бежали» присягнувшие Ольгерду князья (Иван Козельский, князь Иван из Вязьмы, некий наместник (нагубник) Василий). Зимой 1369/70 г. «*Тое же зимы Олгерд ходил на немци и бысть межси их тамо сеча, москвичи и волочане воевали смоленскую волость*». Были захвачены подчинённые Литве волости Фомино-Березуйского удела²³. Сообщение об этом походе есть только в тверском летописании. Поход Ольгерда в Пруссию происходил в феврале, то есть, поход на смоленские земли, надо полагать, был к концу зимы. Приблизительно весной-летом 1370 г. московские войска совершили поход в Верховские княжества. Они захватили принадлежавшие Литве Мценск и Калугу, сместили державшего литовскую сторону Ивана Новосильского²⁴, поставив на престол своего сторонника²⁵. Характер этих военных действия был завязан на местной княжеской борьбе, на захвате городов и волостей.

В августе Дмитрий Московский объявил Михаилу Тверскому войну.

Последний уехал к Ольгерду, а московско-волоцкая рать начала «воевать тферские волости». 1 сентября в тверские волости вторгся Дмитрий Московский, сам расположился у Родни, а его воеводы за 6 дней осады взяли и сожгли Зубцов, одновременно «воюя» волости до Микулина.

26 ноября с тверской земли в московские владения вторгся Ольгерд, с которым был Михаил Тверской и Святослав Смоленский. Он два дня стоял под Волоком («*волость пожёг*»). Затем «*пошел к Москве воюя*» (от Волоколамска до Москвы 100 км), прибыл 6 декабря, осаждал 8 дней²⁶, пожёг посад, «*волости повоевал*» (в этой время начали у Перемышля собирались московские войска во главе с Владимиром Серпуховским, туда пришёл Владимир Пронский и рать от Олега Рязанского), после чего было заключено перемирие.

Московско-тверская война продолжалась. Зимой тверские силы воевали в Волоцком уделе. Когда 10 апреля Михаил прибыл в Тверь из Орды с ярлыком, то Дмитрий Московский и Владимир Серпуховской с ратью встали у Переяславля, чтобы не допустить его на престол во Владимир. Михаил Тверской пошёл от Мологи «воюя» на Бежецкий Верх, а оттуда 23 мая вернулся в Тверь. 15 июня Дмитрий Московский поехал в Орду, а Михаил Тверской «взя и пожьже» Мологу, Углич, Бежецкий Верх. Осенью Дмитрий Московский вернулся. Посланные им войска «*по волостем тферским грабили*», а в Бежецком Верхе убили тверского наместника. Тверское войско князя Дмитрия Еремеевича взяло Кистьму, пленило находившихся там воевод. Михаил Васильевич Кашинский сложил присягу Михаилу Тверскому и перешёл с уделом на сторону Дмитрия Московского.

В апреле 1372 г. Кейстут и Андрей Полоцкий с тверской земли изгоном напали на Переяславль, спалили посады и сёла. Одновременно Михаил Тверской «взял» Дмитров, сжёг посад и сёла, взял откуп с города. Затем они соединились, подошли к

²² Приложения // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 135-140.

²³Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV - первая половина XVI в. Тула, 2016. С. 65-66.

²⁴Там же. С. 31-32.

²⁵Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2005. С. 150.

²⁶В Симеоновской летописи стоит 10 дней, но в Рогожском летописце, Лаврентьевской и Троицкой летописях - 8

Кашину и взяли с него откуп. Оттуда литовские князья вернулись назад через Торжок и Тверь. Михаил Тверской 31 мая пришёл к Торжку, откуда перед этим были изгнаны тверские наместники. Тверичи разбили вышедших в поле новгородцев, а город сожгли.

12 июля Михаил Тверской выступил на соединение с Ольгердом. Они соединились под Любутском, в Верховских княжествах. Туда подошёл и Дмитрий Московский. Противники расположились по сторонам глубокого оврага, не вступая в боестолкновение, после чего заключили мир.

Конфликты 1375-1382 гг. После 1372 г. конфронтация Москвы с Тверью и Литвой продолжалась. В 1375 г. произошла московско-тверская война²⁷. В июле Михаил Тверской послал наместников с войсками на Углич и Торжок. Дмитрий Московский от Волока выступил на Тверь с большой ратью (практически вся Залесская Русь, князь из Смоленска, князь новосильский, тарусский). Наступление велось местными силами со стороны Кашина и Торжка. *«Нача вовевати волости»*. 1 августа взяли Микулин. 5 августа осадили Тверь. Прибыла новгородская рать (стояла под городом 4 дня). Всего осада длилась 4 недели, во время чего *«учинив всю тферьскую область пусту»*. Михаил Тверской в итоге капитулировал.

В 1376 г. Владимир Серпуховской ходил к Ржеве, стоял 3 недели, сжёг посады, но город не взял²⁸. По договору с великим князем литовским Кестутом в 1382 г.

Ржевская земля отошла к Москве²⁹, но обстоятельств мы не знаем.

После смерти Ольгерда в 1377 г. в Литва началась борьба между Гедиминовичами. Московская летопись, отображая борьбу в Северной земле, сообщает о походе московских войск (Владимир Серпуховской, Дмитрий Волынский, Андрей Полоцкий) зимой 1379/80 г. (выступили 9 декабря). Они *«взяша город Трубчевский и Стародуб, и ины многы страны и волости и села тяжко плениша, и вси наши вои русстии полци цели бывше, придоша в дома своя с многыми гостьми»*. На сторону Москвы перешёл Дмитрий Ольгердович Трубчевский³⁰. Это описание исключает боестолкновения и опустошения.

Можно полагать, что поход Ягайло на помощь Мамаю летом-осенью 1380 г. сопровождался восстановлением его власти в Северной земле и части Верховских княжеств. Современные событию немецкие хроники сообщают, что после Куликовской битвы отходящее русское войско подверглось нападению литовского войско, которое отобрало у русских добычу³¹. В Краткой Повести говорится только, что Дмитрий Московский, перейдя Оку, узнал, что Мамай ждёт подхода Ягайло, и больше там о нём не говорится (в Пространной повести это известие отнесено к моменту до перехода Оки). Русские источники, пусть и неоднозначно, говорят только о грабежах со стороны рязанцев. В Пространной повести о Куликовской битве эмоционально описываются грабежи рязанцами московских воинов. Соответственно, там можно было ожидать описание и грабежей со стороны литвы, но его нет. В это Повести говорится, что к моменту сражения Ягайло был в дне пути от поля боя³². Но последнее тоже за факт принять нельзя (даже если речь идёт о

²⁷Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 301-302; Рогожский летописец. Стб. 110, 112; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 373; Симеоновская летопись. С. 115-116. Согласно Новгородской четвертой летописи, поход был начат 29 июля, но эта дата скорее появилась случайно – в Новгородской первой летописи она стоит перед описанием Тверской войны, но по отношению к другому событию.

²⁸Рогожский летописец. Стб. 116; Лаврентьевская летопись. Стб. 536. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 401; Симеоновская летопись. М., 2007. С. 117. В Никоновской летописи ошибочно говорится о 3 днях осады.

²⁹*Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. № 6. 1984. С. 160-161.

³⁰Симеоновская летопись. С. 129.

³¹Живая вода Непрядвы: Битва на Куликовом поле в свидетельствах современников и памяти потомков / А. И. Плизунов. М., 1988. С. 458-459.

³²Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 468, 469.

передовых дозорах), т. к. в данном произведении это мог быть художественный приём (для усиления напряжения сюжета), отражение слухов или иное искажение изначальной информации (само намерение Ягайло соединиться с Мамаем). В реальности Ягайло мог находиться гораздо дальше (даже не факт, что он дошёл до пределов Новосильского княжества).

Борьба князей тверского дома. 19 ноября 1403 г. великий князь Иван Михайлович Тверской послал рать к Кашину, и Василий Кашинский бежал в Москву. Александр, сын Василия Кашинского, в это время «Кашин засяде». При посредничестве Василия Московского конфликт вскоре был улажен³³. Осенью 1408 г. Иван Тверской пошёл с ратью к Кашину, на Ивана Борисовича. Последний бежал в Москву. Иван Тверской помирился с Василием Кашинским, посадил в Кашине своих наместников³⁴. О «воевании» ничего не сказано. Эти конфликты можно отнести к «демонстративным» войнам.

Московско-литовская война 1406-1408 гг.³⁵ Москву поддерживала Орда. На других направлениях практически отвлекаться не приходилось. На стороне Литвы была Польша и Орден, действие ордынцев вне московского фронта не отмечено. Литва с Орденом одновременно воевали против Пскова, на защиту которого и выступил Василий Московский. Но в Литве продолжались вспыхивать конфликты некоторых представителей высшей знати с Витовтом, была конфликтная ситуация в Северной земли и Верховских княжества. В результате чего произошли массовые выезды на московскую службу в июне 1406 г. (Александр Гольшанский) и в июле 1408 г. (Свидригайло с большим количеством князей и бояр Северной и Верховской земель), а

Витовту приходилось умирять мятежные настроения в соответствующих землях.

Основными моментами войны были «стояния» без существенных боестолкновений. Василий Московский и Витовт стояли на р. Плава (Новосильское княжество) с 22 сентября по 1 октября 1406 г. (Василий выступил из Москвы 7 сентября; Витовт выступил из Вильно 25 июля, по дороге арестовал Александра Стародубского, после 3 сентября вышел из Брянска). Под Вязьмой стояли в начале сентября 1407 г. (Василий Московский 6 августа вышел в поход, сжёг смоленский город Дмитровец; с 8 сентября действовало перемирие). На р. Угре стояли с 1 по 14 сентября 1408 г. (когда в июле-августе Витовт двигался через Северскую землю и Верховские княжества, то подавлял выступления местных сторонников Свидригайло и Василия Московского; в Хронике Яна Длугоша говорится о боевых столкновениях с ними, но в этом источники подобные данные могут появляться путём искажения изначальных сведений). Каждое из «стояний» заканчивалось заключением перемирия. На Плавe и на Угре на помощь Василию Московскому приходили ордынцы (на Плавe также тверичи), а на стороне Витовта приняли участие польский и орденско-жмудский конные отряды (на Плавe упоминаются также молдаване). После заключения Угорского перемирия ордынцы напали на отступающее польско-литовско-орденское войско, а затем взяли Брянск.

Помимо этого, в 1406 и 1407 гг. велись боевые действия в Верховских княжествах, которые синхронизировались со столкновениями на линии Можайск-Вязьма. Война началась после того, как 25 мая Василий Московский отправил воевод в поход. Часть подошла к Вязьме, а часть пошла в сторону Серпейска, но не дошла. Практически ничего не совершив (но под Вязьмой погиб один воевода), вернулись назад. Видимо, московских воевод побудило спешно свернуть поход начавшееся литовское наступление. Лугвен Мстиславский подошёл к Воротынску, после короткой осады (меньше недели) приблизительно 27 июня взял город и сжёг, после чего ушёл. После этого без боя

³³Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 470-471; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 232.

³⁴Московский летописный свод конца XV в. С. 238.

³⁵Беспалов Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 151-174.

капитулировал Козельск, приняв литовских наместников. В то же время литовские отряды «воевали» около Можайска.

15 мая 1407 г. истек срок перемирия, а 20 мая 1407 г. литва сожгла Одоев. Примерно в то же время литовский отряд совершил глубокий набег («*волости приимаша, и села пограбиша, и полона много разведоша*») на московском направлении, пока «*москвичи же укрепльшеся помощию божиею и шедше на них, овех избиха, а иных прогнаша, воеводу же их Миромобочгу руками изнимаша*». Сообщение не лишено естественного победного пафоса, но в целом мы видим схему вытеснения рейдового войска противника, которое сопровождалось боевыми столкновениями.

Литовско-московская война зимы 1444/45 г. Она описанная в новгородском³⁶, смоленском³⁷, московском,³⁸ ростовском,³⁹ белозерском⁴⁰ летописании. Существует версия Р. Беспалова, что изначальные сведения представлены только московским летописанием, а дополнения и подробности в прочем летописании недостоверны, являются результатом переложения московского повествования с вольными компиляциями из сообщений о других событиях⁴¹. Но эта версия представляется необоснованной (слишком сложную конструкцию разным летописцам нужно было «случайно» создать).

В этой войне Литве уже не приходилось отвлекаться на другие направления, а Московское княжество воевало с Улу-Мухаммедом. Вначале были опустошительные набеги московского войска (с татарскими царевичами) по Вяземской

земле («*извоеваше Вязимьскую землю всю*») и к Брянску⁴². Затем с целью «*воевать московские земли*» было собрано литовское войско во главе с высшими лицами страны, был совершён поход на верховские земли (к Козельску, который осаждали неделю, и Калуге, с которой взяли откуп), а также на пограничье на московском направлении, к Можайску и Вереи. Можно понять, что к последним городам ходили отряды из войска, действующее у Козельска и Калуги, но тогда набег затронул бы и земли вокруг других городов. Скорее, как и в прошлой войне, это был отдельный небольшой набег со стороны Вязьмы (поэтому в залесском летописании о нём и не сказано). Новгородская летопись говорит о «*взятии 5 городов*», но ни литовская, ни залесские летописи это не подтверждают (пример искажения данных в центре летописания, далеко от описываемых событий). На р. Суходрев произошло сражение (по московским данным московское войско состояло из 260 воинов), после которого литовское войско ушло. Смоленская летопись называет его литовской победой, а залесские летописи описывает его как столкновение без указания победителя, но при этом в московском войске из 6 убитых один был главный воевода (Иван Лугвица), а среди 9 пленных был второй воевода (Иван Судок); про литву указано, что их якобы «*убиша*» 200..

В Ермолинской летописи сохранилось описание сражения: «*сретишася с ними в Суходрови и удариша на инх и литва побегоша, а наши погнаша. И приведоша их на большие полкы, и ту убиша князя Андрея Васильевича Лугвицу Суздальского, а Судока изымаша и поведоша к Литве, а сами с тех мест възратишася всвоиси*». Львовская летопись: «*и прешедше на них погнаша их. И се паки придоша на них панове литвостии <...>, они же видешие их побегоша, а литва убоявишеся възратишася*». По этому описанию московское войско атаковало сопоставимую по силе часть литовского

³⁶Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 424.

³⁷Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 60, 78, 110.

³⁸Московский летописный свод конца XV в. С. 394-395.

³⁹Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 256-257.

⁴⁰Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 151.

⁴¹Беспалов Р. А. Московско-литовский конфликт зимы 1444–1445 годов: метаморфозы летописного текста // Очерки феодальной России. Вып. 20. М.-СПб., 2017. С. 3-27.

⁴² О походе к Брянску говорит только новгородская летопись, а смоленская – только походе на Вязьму; но последнюю в первую очередь и интересовали события, связанные со Смоленском.

войска, но при преследовании встретилось с основным войском, которому уже не могло противостоять, и теперь само отступило. Непропорционально большие потери воеводского состава не являются чем-то необычным, когда речь идёт об активных действиях относительно небольших кавалерийских сил. Данное описание можно подогнать под схему «задуманного ложного отступления в засаду», но это подразумевает хорошую осведомленность литовского командования о выдвижении спешно собранного московского войска. В контексте, что это была набеговая операция, действия московского войска в первую очередь – действия против загонов. То есть, самая буквальная схема – московское войско атаковала первый встреченный загон, который естественным образом стал уходить к главным силам.

Ржевская война 1448 г. После того, как тверское войско зимой 1446/47 г. помогло Василию Московскому в борьбе против Шемяки, тверскому князю была отдана Ржева, которую нужно было отвоевать. Тверской князь перед 20 февраля, после 3-недельной осады с использованием артиллерии, принудил Ржеву к сдаче⁴³. 28 января 1448 г. литовский отряд, посланный князем Иваном Владимировичем Бельским, изгоном захватил Ржеву, пленил наместников. Затем, в том же году, тверской князь послал войско к Ржеву. Город не взяли, но «*волости повоевали*». Осенью в результате переговоров с литовским великим князем Ржева вернулась тверскому князю⁴⁴. Видимо, это были самовольные действия Ивана Бельского.

Стратегия в войнах 1367-1380 гг. в первую очередь строилась на осадах городов. Литовская сторона в 1368 г. стала «воевать волости», что с 1370 г. активно осуществляли московские и тверские войска. Действия «изгоном» московских и тверских войск не зафиксировано (в этих войнах отмечено только взятие изгоном Переяславля

литовскими князьями в 1372 г.). Можно говорить, что наступление осуществляла сторона, которая имела преимущества в силах. Тверское летописание о действии в Волоцком уделе зимой 1370/71 г.: «*тверская рати... люди много побили той, которые опроче стяга ходили*».⁴⁵ Это с одной стороны показывает практику действия загонов, а с другой – практику противодействия им.

Форма войны главных московских и литовских силы к исходу войны 1367-1372 гг. вылилась в Любутское «стояние». И такая форма господствовала в войне 1406-1408 гг. Если «стояния» 1406 и 1408 гг. ещё можно объяснить присутствием ордынцев, то Вяземское «стояние» 1407 г. показывает, что были иные объективные причины. Можно сказать, что стороны пришли к «паритету сил» в условиях прямого столкновения. Основная боевая активность приходится на «Верховский фронт» (даже три из четырёх «стояний» были там). На Ржевском направлении московско-литовское противостояние практически полностью прекратилось после 1382 г.

После того, как Витовт заменил смоленского князя наместником, сохранилось подчинённое Литве (через смоленского наместника) Вяземское княжество. Оно состояло из множество небольших владений, но до 1492 г. среди местных князей не проявлялась ориентация на Москву⁴⁶. С литовской стороны в XV в. мы видим ряд набегов по сельской местности на Можайском направлении (1406, 1407, 1445 г.). При этом в XIV в. видим только одно нападение, но с захватом волости и нападением на Можайск (Ольгерд в 1341 г.). То есть, для литовской стороны это направление оказалось сложным для наступления. С московской стороны видим уже более активные действия на это направлении: наступления на Вязьму (походы к Вязьме 1406 и 1407 г., правда, так и не завершившиеся осадой; опустошение Вяземского княжества в 1444 г.).

⁴³Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 493; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999. С. 120-124.

⁴⁴Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 494; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 126.

⁴⁵Рогожский летописец. Стб. 95.

⁴⁶Темшев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV - первая половина XVI в. С. 73-75.

В Верховских княжествах политическая ситуация была более сложной, многие местные князья имели неустойчивую политическую ориентацию. Боевая активность Литвы и Москвы проявлялась в осадах городов с целью подчинения или сожжения. Если противостояние в XIV в. началось с успешного похода Ольгерда в 1368 г., то потом уже видим московские походы 1370 и 1379/80 гг. с захватом городов. Затем военная инициатива опять перешла к Литве: поход Ягайло в 1380 г., подчинение Козельска в 1406 г. (вернулся по мирному договору к Москве), сожжение Одоева и Воротынска в 1406-1407 гг. (это были города Новосильского княжества, защищали их местные силы), поход зимы 1444/45 г. с осадой Козельска и взятием откупа с Калугой. Боевые наступления московской стороны ограничились походом в сторону Серпейска в 1406 г. и набегом 1444 г. Даже «стояния» 1406 и 1408 гг. были почти на границах московских владений, а Витовт подходил через Новосильское княжество (в итоге, в 1420-х гг. новосильские князья стали ориентироваться на Литву). При Иване III инициатива полностью переходит на московскую сторону.

Новгородские войны.

В 1360-1370-х гг. активно разбойничали ушкуйники, происходящие в основном из владений Новгорода, но действующие без его ведома. В 1360 г. новгородские ушкуйники «взяша» болгарский город Жукотин на р. Кама. Зимой 1360/61 г. на это из Орды пришла жалоба, в Костроме произошёл съезд князей (Дмитрий Константинович Владимирский и Суздальский, Андрей Константинович Нижегородский, Константин Ростовский и др.), которые «выдаша разбойников, а посла отпустиша в Орду»⁴⁷. В 1366 г. новгородские ушкуйники на 150 судах совершили нападение на купцов в Нижнем Новгороде, а затем поплыли, «воююще» болгарские земли. Зимой 1366/67 г. Дмитрий

Московский в ответ «розверже мир с новгородци», по его приказу арестовали новгородских бояр в Вологде. До сбора войск и столкновений не дошло⁴⁸. После этого нападения на русские города были отмечены только под 1375 г.

Московское летописание отмечает набег ушкуйников на Кострому в 1371 г. (*«того же лета новгородци из Великакого Новагорода, ушкуйници, разбоинници, събрашася и взяша Кострому»*). Но текстологически – это сокращённый дубляж начала повествования о нападении ушкуйников на Кострому в 1375 г. (*«того же лета коли князь великий был под Тверью, а в то время пришедше Новгородци ушкуйници разбоинници 70 ушкучев, а старейшина у них именем Прокон, а другии Смолнянин пришед взяша Кострому»*)⁴⁹. В Новгородской Четвертой летописи это превратилось в «новгородци взяли град Ярославль и Кострому»⁵⁰. Так же в Новгородской четвертой летописи 1369 г.: *«той же осени шло Волгой 10 оушкучев, а инии шли Камою, а биша их под Болгары»*. Под 1370 г.: *«двожды шли новгородци Волгою и много зла сътвориша»*⁵¹. Все три сообщения есть только в этой летописи, их нет ни в Софийской Первой летописи (с которой у Новгородской Четвертой летописи общий протограф о событиях данного периода – свод 1418 г.), ни в Никоновской летописи, которая компилировала широкий спектр летописей. То есть, точность этих двух последних сообщений также под большим сомнением. Сообщение под 1369 г. заметно перекликается с сообщением московского летописания о походе 1409 г. (*«того же лета ходи Анфал на Болгары Камою и Волгою, 100 насадов Камою, а Волгою 100 и 50, и избиша их в Каме татарове»*)⁵². Сообщение под 1370 г. текстологически совпадает с другим

⁴⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 369; Симеоновская летопись. С. 104.

⁴⁹Рогожский летописец. Стб. 97, 113; Симеоновская летопись. С. 111, 116.

⁵⁰Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. С. 296.

⁵¹Там же. С. 295.

⁵²Московский летописный свод конца XV в. С. 239.

⁴⁷Рогожский летописец. Стб. 69; Симеоновская летопись. С. 100-101.

сообщением. В своде 1418 г. изложено обвинение, предъявленное Новгороду в 1386 г.: *«нелюбие велико про волжан, что взяли разбоем город Кострому и Новгород Нижнии, и много зла учиниша тогда»*⁵³.

Зимой 1386/87 г. Дмитрий Московский во главе больших сил (рати московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимирская, юрьевская, муромская, мещерская, стародубская, суздальская, городецкая, нижегородская, костромская, угличская, ростовская, ярославская, молодежская, галичская, бежицкая, белозерская, вологодская, устюжская, новоторжская) дошёл до Новгорода, *«волоости новгородскыя воюючи и села жгучи»*, расположился под ним, *«многы волости повоеваша, а у новгородских у купцев много товару пограбиха, а людем, муж и жон, идетей, много в полон поведоша»*, принудил к миру⁵⁴. Можно заметить, что в кратком повествовании Новгородской первой летописи об опустошениях не упоминалось⁵⁵. то есть, можно подозревать, что в Повести о поход на Новгород показана преувеличенная картина разорения, а это выдвигание к Новгороду было в первую очередь демонстрация силы, без целенаправленного обширного «воевания». Помимо прочего, Новгород обязался окончательно ликвидировать ушкуйничество (больше мы не встречаем термины «ушкуйники» и «разбойники» по отношению к флотилиям из новгородских владений).

В результате обострения новгородско-московского конфликта, в конце февраля 1393 г. на Торжок была послана рать во главе с Владимиром Серпуховским и Юрием Звенигородским. Она *«много повоеваша новгородских волостей»*. Были заняты Торжок, Волок Ламский, Вологда. В ответ весной новгородско-двинская флотилия месяц опустошала Устюжскую землю, новгородская охочая рать во главе со служилыми князьями *«взяли»* Кличен и

Устюжну, а также новгородцы *«повоеваша»* Белозерскую землю. Новгородцы пошли на мир.⁵⁶

Весной 1397 г. Двинская земля во главе с местными боярами (Иван Микитин и др.) отложились от Новгорода и присягнула Василию Московскому. По его приказу также заняли Торжок, Волок Ламский, Вологду, Бежецкий Верх (новгородско-московские совладения)⁵⁷. В ответ в 1398 г. новгородцы организовали большой поход (выступили весной, а вернулись в Новгород зимой), который подробно описан в Новгородской первой летописи⁵⁸. Были «повоеваны» белозерские волости, сожжён старый Белозерский городок, с нового Белозерского городка взят выкуп. «Воевали» Кубенские волости и окрестности Вологды. Устюг *«повоевав и пожгоша»*, 4 недели стояли там, во время чего часть новгородцев совершило на судах опустошительный поход, не доходя до Галича день пути. Затем пошли к Орлецу – столице Двинской земли, который осаждали 4 недели (с использованием метательных орудий), после чего двиняне пошли на капитуляцию, заплатили выкуп, выдали 4 главных двинских бояр (Иван Микитин, его брат Анфал, Герасим, Родион). Осенью новгородское посольство заключило мир в Москве.

Анфал Микитин по пути в Новгород бежал. В следующем году за ним отправился новгородский отряд. Анфал укрылся под Устюгом. Там произошло столкновение («бишася») новгородцев с людьми Анфала, укрывшимися в построенном ими «остроге», и пришедшими им на помощь устюжанами. Новгородцы говорили о больших потерях противника, о том, что сами потерь не имели, но по факту Анфала поймать не удалось и на

⁵³Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 486.

⁵⁴Там же. Стб. 486-489.

⁵⁵Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 380.

⁵⁶Рогожский летописец. Стб. 162; Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925. С. 373-374; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.. С. 385-386; Московский летописный свод конца XV в. С. 220.

⁵⁷Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 389; Московский летописный свод конца XV в. С. 227.

⁵⁸Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. . С. 391-393.

этом столкновении боевые действия закончились⁵⁹.

Летом 1401 г. Василий Московский без объявления войны организовал внезапные нападения на новгородские владения. Анфал Микитин и Герасим Рострига совершили опустошительный поход по Двинской земле, а отряд боярина Александра Поля (300 воинов по новгородским данным) ворвался в Торжок, где арестовал двух новгородских бояр и их имущество⁶⁰. Устюжская летопись говорит, что Анфал ходил с устюжанами, но этот свод не имел дополнительных источников до событий 1436 г., то есть, это «реконструкция» летописца, пусть и обоснованная (также как упоминание в этой летописи вятчан и галичан в сообщениях о походах 1409 и 1417 гг.). Но наверняка они в походе участвовали (вопрос о других контингентах).

В 1417 г. «с Вятки, из князя великого отчине, князь боярин Юрьев Глеб Семеонович с новгородчкыми беглице, с Семеоном Жадовьским и с Михаилом с Росхохиным, и с устюжаны и с вятцаны изъихаша в насадех без вести в Заволочькую землю и повоеваша волость Борокъ Ивановых детеи Васильевича, и Емцю и Колмогоры взем и пожгли, и бояр новгородчкых изимаша Юрья Ивановича и брата его Самсона. Иван Федорович и брат его Офнонос, Гаврила Кирилович, Исак Ондреевич, сугнав их под Моржом на острове, братью свою Самсона и Юрья отъяха и полон весь и с животы, а их отпустиша. А Василии Юрьевич, сын посадницъ, Самсон Иванович, Гаврила Кирилович, брат его Григорей, с заволочаны идоша за разбоиники в погоню и пограбиша Устюг»⁶¹. Поход возглавлял боярин Юрия Звенигородского и Галицкого, но данное описание даёт картину, что почти всё его войско состояло из беглых двинских бояр, устюжан и вятчан (и это скорее так, если сравнить с Двинским походом 1471 г.).

⁵⁹Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. С. 383-384.

⁶⁰Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 396-397.

⁶¹Там же. С. 407-408.

В 1425 г. устюжане совершили набег на Заволочье, после чего новгородцы осадили Устюг и взяли с него откуп⁶².

Новгородская летопись под 1441 г. описывает очередную войну с Москвой: «а зиме князь великий Московский Василии Васильевич възверже нелюбие на Новгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волостей новгородчкых много. Новгородци же послаша архиепископа Еуфимья и с ним бояр и житых людей, и наехаша его в Деревах у города у Демяна, и докончаша с ним мир по старине, и даша ему 8000 рублев; а псковщици, пособля князю великому Василью, много земле Новгородчкои повоеваша и пакости створиша не мало. В то же время воеводы новгородчкыя с заволочаны по князя великого земли повоеваша много противу того, что князь воевал новгородчкыя волости»⁶³. Хронологию войны несколько уточняет сообщение, что, когда великий князь был в походе, то 22 января у него родился сын. Московская летопись отмечает, что великий князь «взял» Демон⁶⁴. Но и псковская летопись отмечает только, что великий князь «стоял под Демены», когда к нему прибыла новгородская делегация⁶⁵. Демон располагался на удобной для обороны горе, никогда не был взят московским войском. И в этом случае, надо полагать, что взятия крепости как такового не было. Можно только говорить о падении города в итоге общей капитуляции Новгорода⁶⁶. Впервые в московско-новгородских войнах появились задача захвата крепостей путем осад.

В составе московского войска в 1441 г. был тверской отряд⁶⁷. С осени 1443 до осени

⁶²Там же. С. 415.

⁶³Там же. С. 421.

⁶⁴Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 262.

⁶⁵Новгородские и псковские летописи. С. 211.

⁶⁶Несин М. А. Новгородские житеи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV-XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники (далее - ИВД). Т. VIII. 2016. С.265-267.

⁶⁷Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 491.

1445 г. тверские войска «воевали» пограничные новгородские волости (Торжок, Бежецкий Верх, Заборовье)⁶⁸.

Таким образом, сформировалась схема, наметившаяся ещё в эпоху Великой Тишины. На центральном направлении (Торжок-Новгород) московские войска (в зимнее время), не встречая заметного сопротивления, производили широкие опустошения. В 1441 г. уже был пример глубокого опустошительного вторжения (город Демьян находился в 160 км от Торжка). Новгородцы уверенно действовали в северных регионах, в т. ч. флотилиями. Там уже происходили взаимные опустошения (военные действия обычно велись в весенне-летнее время). Ушкуйничество ушло в прошлое, теперь северные флотилии действовали в текущих интересах Новгорода.

Ордынские войны.

Московская Русь, помимо ниже описанных конфликтов в Среднем Поволжье, вела войны с Мамаем (1373-1380 гг.), ханом Улу-Мухаммедом (1437-1445 гг.)⁶⁹, Днепровской Ордой Сеид-Ахмеда (1449-1459 гг.)⁷⁰. Наиболее масштабными были походы («нашествия») Тохтамыша (август-сентябрь 1382 г.)⁷¹ и Едигея (ноябрь-декабрь 1408 г.)⁷² Мамай одновременно был втянут в большое количество конфликтов на ордынской территории. Улу-Мухаммед одновременно вёл войны с Сеид-Ахмедом и Кичи-Мухаммедом. Сеид-Ахмеда одновременно воевал с Литвой, Польшей и крымским ханом, лично в походы на Московскую Русь не ходил.

⁶⁸Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 424, 426.

⁶⁹Беспалов Р. А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437-1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 53-70.

⁷⁰Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460) // Славяне и их соседи. Вып.10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 186-191.

⁷¹Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 471-482; Симеоновская летопись. С. 131-133.

⁷²Летописный сборник, именуемый Тверского летописью. Стб. 482-484; Московский летописный свод конца XV в. С. 238-239

От татарских улусов Московское княжество отделялось княжествами Рязанским, Елецким, Новосильским и (до присоединения в 1392 г.) Нижегородским. На Рязанское и Елецкое княжества в 1365-1443 гг. отмечено около двух десятков значительных татарских нападений, не задевших московские владения, и только в 1378 и 1443 гг. на помощь против ордынцев в Рязанскую землю приходили московские войска⁷³. Мамаевские ордынцы в начале декабря 1375 г. сожгли Новосиль⁷⁴. Ниже описаны нападения на нижегородские земли.

Война с Мамаем московские владения не затронула. Для московских войск, кроме похода на Булгарию, она представляла крупные сражения. В Побоище на р. Пьяне 2 августа 1377 г. было разгромлено войско, возглавляемое московскими воеводами и сыном нижегородского князя. В битвах на р. Вожа 11 августа 1378 г. и на Дону 8 сентября 1380 г. победу одержало войско во главе с Дмитрием Московским⁷⁵. Если в случае побоища на Пьяне мы видим оперативную обстановку (мамаевцы внезапно напали на расположившееся в пограничье русское войско), то стратегические и оперативные обстоятельства, которые привели к последним двум сражениям, мы можем только предполагать (можно с большой уверенностью предполагать, что определяющую роль сыграла агентурная московская разведка, которая выявила маршрут движения противника; сами сражения выглядят как «правильные»). Из повестей в своде 1392 г. можно увидеть некоторые тактические моменты. В битве на Воже атаковали, как ордынцы («*ткнуша на наших*»), та и русские («*удару*»); русская рать действовала тремя группировками (имеющимся описанием можно увидеть и лобовую атаку, и обход, и засаду). В описании Донского побоища говорится о встречной атаке: «*исполнилася обои, и устремишася на бои; и ступишася обои*». В Пространной повести свода 1418 г. также можно увидеть наличие в русской рати

⁷³Комаров О. В. Татарские походы на Рязанское княжество и Никоновская летопись. // Novogardia. № 4(8) 2020. С. 112-124.

⁷⁴Рогожский летописец. Стб. 113.

⁷⁵Симеоновская летопись. С. 127, 129-130.

сторожевого полка («сам же велики князь Дмитрий Иванович наеха наперед в сторожевом полку») и крыльев («княже господине, не ставися напериди биится, но назади или на криле или инде в опришнем месте»⁷⁶). Дополнительная информация есть в «Сказании о Мамаевом побоище», но из неё сложно вычленишь реалии конца XIV в.

Ещё один пример, когда удалось перехватить ордынцев на подходе, причём далеко в Поле, относится к Сеидахмедовой войне. Под 1450 г. (после сообщения под 13 августа) отмечено нахождение Василия Московского в Коломне. Узнав о движении ордынцев («Малы Бердей улан») в Поле, туда были высланы войска царевича с татарами и воеводы Константина Александровича Безубцева с коломенским полком. На р. Битюге в Поле (приток среднего Дона) произошло столкновение, после которого ордынцы вернулись назад. Но это в первую очередь пример использования служилых татар, которые были приспособлены для действия глубоко в Степи. Также в 1449 г. царевич Ягуб, посланный московским князем на помощь литовскому князю, нанёс поражение ордынцам, которые помогали Михаилу Сигизмундовичу сесть в Северной земле. Именно служилые татары до середины XVI в. использовались для действия далеко от границы в степях⁷⁷.

Две кампании войны с Улу-Мухаммедом были связаны с борьбой за города, в которых ордынцы могли бы оставаться на зимовья (донские степи не были пригодны для круглогодичного кочевания, а пригодные для зимовки степи зачастую контролировали другие ханы). Оба раза дело решилось сражением. 4-5 декабря 1437 г. Улу-Мухаммед, зазимовавший во временных укреплениях (из хвороста, залитого на морозе водой) у Белёва (в новосильской земле), разгромил подошедшее крупное московское войско во главе с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным

Юрьевичами⁷⁸. Об событиях сохранилось только нравоучительные повести, в которых сложно рассмотреть тактические детали. Можно отметить такие детали, как указание на численное превосходство русских войск; велись переговоры перед первым и вторым днём битвы; первый день битвы показан как русский успех, которые загнали противника в крепость; отмечены погибшие русские воины, ворвавшиеся в это время в крепость; полный разгром во второй день битвы; причину успеха татар можно видеть в неожиданной атаке.

Зимой 1442/43 г. царевич Мустафа, обосновавшийся в Рязани, был разбит подошедшим московским войском во главе с князьями Василием Оболенским и Андреем Фёдоровичем Голтывым⁷⁹.

Московским владениям представляли угрозу массированные походы ордынских войск с Поля, направленных к Оке. Летом 1373 г. (во время нашествия мамаевских ордынцев на Рязань) и летом 1376 г. Дмитрий Московский (а в первом случае и Владимир Андреевич Серпуховской, выехавший из Новгорода 29 июня⁸⁰) возглавлял войска на Оке, опасаясь нападения войск Мамаёв⁸¹. В августе 1395 г., во время нападения Тамерлана на Елец, Василий Московский расположился у Коломны, разместив войска по Оке⁸². Так была намечена система обороны Берега, но до боевой практики она не дошла.

Тохтамыш после перехода Оки «взял» Серпухов, после 3-невной осады взял Москву, затем его войска «взяли» Переяславль, ходили к Звенигороду, Можайску, Волоку, Дмитрову, Владимиру, Юрьеву; при отступлении «взяли» Коломну и

⁷⁸Львовская летопись. С. 240-241; Московский летописный свод конца XV в. С. 260.

⁷⁹Московский летописный свод конца XV в. С. 262, 394. О достоверности подробности сражения в Никоновской летописи: Комаров О. В. Татарские походы на Рязанское княжество и Никоновская летопись. С. 124-131.

⁸⁰Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.. С. 372.

⁸¹Рогожский летописец. Стб. 104, 116.

⁸²Московский летописный свод конца XV в. С. 222.

⁷⁶Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 464, 467

⁷⁷Комаров О. В. Казаки: многообразие социального явления XV-XVII вв. // Valla. № 3 (5). 2017. С. 15-16.

опустошили Рязанскую землю. Едигей опустошил Рязанскую землю, сжёг Коломну, подошёл к Москве, под которой стоял 3 недели, не пытаясь напасть на город. От Москвы были направлены войска в разные стороны. Серпухов, Ростов, Дмитров, Переяславль «*взяша*» и «*огнем пожгоша*». Ордынцы действовали по направлению к Можайску, Звенигороду, Юрьеву, Белоозеру, Галичу. Узнав о нападении на Орду очередного претендента на власть, Едигей взял откуп с Москвы и ушёл.

В 1439-1443 гг. Улу-Мухаммед известен как действующий хан в Большой (Сарайской) Орде. И в этот период он имел возможности наступать со стороны Поля. Летом 1439 г. он прорвался через Оку, 3 июля подошёл к Москве, 10 дней осаждал её, сжёг посады; в это время его войска произвели обширные разорения сельской местности вплоть до тверской границы; на обратном пути он «пожег» Коломну (в предыдущем году «город» почти весь выгорел)⁸³. Летом 1443 г. Улу-Мухаммед стоял на р. Беспуте (приток Оки, рязанское владение), Василий Московский с удельными князьями выступили против него, вынудив уйти. то есть, видимо, была занята оборона Оки. В последующем Улу-Мухаммед фактически действовал как казанский хан.

В этих кампаниях русские делали ставку на оборону городов, что удавалось не всегда. Из примеров полевых столкновений во время ордынских прорывов через Оку описан только один эпизод во время нашествия Тохтамыша: Владимир Серпуховской стоял у Волока «*и тамо неции татарове наехаха на нь; он же прогна их от себе; они же прибегоша к Тахтамышю царю пострашены и биты*». Но и данный пример, не лишенный пафосного оформления (усилившегося в Пространной Повести о нашествии Тохтамыша) – это описание случайного столкновения, а не активного поиска против ордынских загонов.

Походы ордынцев Саид-Ахмеда, направленные в сторону Оки, происходили в летнее время (известны нападения 1449,

1450, 1451, 1454, 1455, 1459 гг.). Русские силы занимали оборону по Оке. Центром обороны была Коломна. Когда приходили царевичи (в 1451 и 1454 гг.), то стоящие у Коломны войска не решались с ними вступать в бой, пропускали (соответственно, Иван Звенигородский и Иван Васильевич Ощера). В первом случае ордынцы подошли к Москве, зажгли посады, а на следующий день ушли. Во втором случае против прорвавшихся ордынцев стали собираться войска во главе с великим князем и его детьми. Ордынцы ушли, а передовые отряды (отмечен отряд Фёдора Басенка) преследовали их, пытаясь отбить полон. Прорывы через Оку осуществлялись и небольшими силами, предводители которых даже не назывались (в 1449, 1455 гг.). В этих двух случаях ордынцы начинали грабить волости, пока не были вытеснены выступившими против них отрядами (в первом случае – царевич Касим из Звенигорода, во втором – воевода Иван Юрьевич Патрикеев⁸⁴; об отбитом полоне говорится только в первом случае). Только в 1459 г. войска, возглавляемые Иваном Васильевичем, остановили ордынцев на переправе через Оку (неясно, происходили ли существенные бои). В этом случае не могло быть много войск (даже предводитель не назван, сам хан с 1455 г. находился в литовском плену, а его Орда доживала последние дни). Примеры успешной обороны Берега от крупных сил ордынцев мы видим уже при Иване III (1472, 1480 гг.). Прорыва Оки небольших сил прекратились, но, когда были прорывы больших сил (1521, 1571 гг.), по-прежнему эффективного сопротивления оказать не удавалось, хотя теперь опустошениям подвергалась несравненно

⁸⁴Ростовский свод 1489 г. (в Львовской и Софийской II летописях), в отличие от Московского свода, в сообщении об этом набеге не говорил о прорыве через Оку, а действия Патрикеева показал наступательными: «*посылал князь великий Василий Васильевич рать за Оку противу татар, а воевода у них князь Иван Юрьевич; и бысть бой, поможет Бог воеводам великого князя, побииша татар множество*». Это известие показывает первый пример преследования ордынцев за Окой, но оно может быть неточным. Хотя оно по сообщаемой информации отличается от версии московской летописи, но следов дополнительной информации не несёт (всё в пределах возможного искажения).

⁸³Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью.. Стб. 491; Московский летописный свод конца XV в. С. 260.

меньшая территория (между Москвой и Окой). Эффективную стратегию против прорыва крупных сил смогли реализовать только в 1572 г.

Понизовые войны.

Войны эпохи Ордынской Замятни, 1367-1378 гг. Нижегородское княжество граничило с мордовской землей и Булгарией. В XIV в. политическим центром в мордовской земле был Наручад (Мохша), который окончательно запустел в начале XV в.⁸⁵ Начало Замятни в Орде привело к борьбе за земли на данной территории между местными правителями (нижегородский князь, татарские князья в Наручаде и Болгаре), в которую вмешивались Дмитрий Московский, Мамай и хан в Сарае.

Примерно в 1360-е гг. Нижний Новгород стал расширять свои владения в мордовских землях, за р. Сундовити⁸⁶. Князь Булат-Темир (в 1366-1367 гг. правил в Наручаде⁸⁷) примерно весной-летом 1367 г. «пограби уезд даже и до Волги и до Судовити и села княжи Борисовы», а затем преследуемый до р. Пьяна ушёл от погони, которую возглавляли братья Дмитрий Константинович Нижегородским и Борис Городецким⁸⁸.

Весной или летом 1370 г. по указу Мамая Дмитрий Нижегородский посылал войско во главе с Борисом Городецким (при нём был ордынский посол) на Булгарию. Булгарский князь капитулировал без боевых действий, допустив во главе Булгарии

ставленника Мамая⁸⁹. Осенью 1372 г. Борис Городецкий построил город Курмыш на р. Суре.⁹⁰ Это редкий для данной эпохи пример, когда расширение территории происходило путём строительства крепостей. Примечательно, что в 1367 г. в зоне нападения были именно сёла, принадлежавшие Борису Городецкому. То есть, именно он продвигал расширение нижегородских владений в мордовских землях.

Мамаевцы летом 1375 г. «Запине» «пограбиша» и «взяша» «Кишь», разбили заставу нижегородцев, «людей посекоша, а иных в полон поведоша».⁹¹ В событиях 1367 г. Пьяна выглядит как пограничная река, а набег 1375 в. выглядит как вытеснение нижегородцев с территории Запьянья, которую они начали захватывать после Булгарского похода.

В 1374 г. ушкуйники (90 ушкуев) пограбили Вятку, Булгарию («взяша» город Болгары), сёла по Ветлуге⁹² (черемисские земли). В 1375 г. новгородские ушкуйники (70 ушкуев) нападали на Кострому и Нижний Новгород (полон продали в Болгарах), а затем прошли до устья Волги, грабя купцов по всей Волге, пока не были разгромлены под Астраханью⁹³. На этом фоне в 1377 г. московско-нижегородское войско (московский воевода Дмитрий Волынский, два сына Дмитрия Нижегородского) совершило поход на Булгарию: опустошили сельскую местность, 16 марта подошли к городу Болгар; противника, вышедшего на вылазку под прикрытием стрельбы со стен, решительной атакой («скочиша») загнали в город, после чего тот пошёл на откуп-капитуляцию.⁹⁴ Нельзя наверняка сказать,

⁸⁵Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 52-53, 105-106.

⁸⁶Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 216-217. Этот вывод основывается на вставке в местный летописец, что при нижегородских князьях, правивших в 1341-1383 гг., нижегородский купец купил у местного князя (судя по всему, мордовского) сёла на р. Сундовити. Следует заметить, что в данной вставке эти сёла назывались с церквями, то есть, в мордовских землях шла русская колонизация.

⁸⁷Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008. С. 84-86

⁸⁸Симеоновская летопись. С. 106. Следующее событие Суздальско-Нижегородского княжества датируется 23 июля.

⁸⁹Симеоновская летопись. С. 109.

⁹⁰Там же С. 112.

⁹¹Рогожский летописец. Стб. 109, 112-113. В Рогожском летописце дважды упомянуто нападение на Запьянье «летом 6883 г.». Но в Симеоновской летописи есть запись только о первом нападении. Поэтому можно предполагать, что при составлении Рогожского летописца об одном событии было взято из двух источников (московская и тверская летописи).

⁹²Симеоновская летопись. С. 114.

⁹³Там же. С. 116-117.

⁹⁴Там же. С. 117-118.

тогда Булгария признавала власть Мамаю или сарайского хана (Каганбек в 1376 г., а в 1377-1380 гг. Арабшах⁹⁵). Но то, что вскоре на Нижний Новгород стали ожидать похода именно «царевича Арапши» говорит в пользу признания Булгарией власти хана в Сарае.

По известиям о возможности нападения Арабшаха, в Нижний Новгород прибывает Дмитрий Московский. «*Не бысть вести про царевича*», и он отправляется в Москву, и «*посла на них воеводы своя*» («*рать володимерскую, переяславскую, юрьевскую, муромскую, ярославскую*»), с которыми был Иван, сын Дмитрия Константиновича. Русские перешли Пьяну, где 2 августа внезапным нападением были разгромлены мамаевцами, которых навели мордовские князья. Затем, 5 августа, мамаевцы сожгли Нижний Новгород (примерно в 150 км от места битвы), откуда бежали Дмитрий Нижегородский и многие горожане. 7 августа покинули город, «*волости новгородские воюючи*»⁹⁶. По Повести русские узнали о том, что Арабшах находится на Волчьих водах (приток Северского Донца, 700 км от Нижнего Новгорода), когда были на р. Пьяне. Буквально Дмитрий Московский принял решение не оборонять Нижний Новгород, когда об Арабшахе не было вестей. И непонятно, на кого, «*на них*», были посланы воеводы. В литературно оформленной Повести, с ярко выраженным акцентом на нерадивость воевод и ратников, факт получение данного известия как раз и должен быть смещён. По такому изложению и общему контексту событий войско, собранное для отражения нападения на Нижний Новгород, когда опасность миновала (по приведённому известию получается, что Арабшах зашёл в глубину владений Мамаю, и это могло восприняться началом очередной войны между татарскими ордами), было отправлено покорять мордву Запьянья.

Мордовские земли выглядят сферой влияния Мамаю в 1375-1377 гг. настолько, что он организовывал акции, направленные на

местные локальные интересы (борьба за Запьянье).

«*Того же лета пришед прежереченый царевич Арапша и пограби Засурье и огнем пожже*». Сообщение помещено между сообщениями о событиях вокруг Нижнего Новгорода августа. Но это не значит, что оно произошло в августе, а не в начале осени. Засурье – это территория восточнее р. Сурье, чувашские земли, по археологическим данным однозначно относящиеся к Булгарии⁹⁷. В сообщении и не указана принадлежность Засурья, наличие там русских поселенцев, но выделение о нападении именно на Засурье отодвигает предположение, что это был поход Арабшаха по подчинению Булгарии. Надо полагать, Арабшах такой акцией пресек расширения влияния нижегородцев (р. Сура так и осталась пограничной для нижегородских владений).

Осенью 1377 г. мордва «изгоном» совершила опустошительный набег на нижегородский уезд, Борис Городецкий настиг их у р. Пьяны. То есть, Пьяна опять выглядит пограничной рекой, а набег охватил волости между Пьяной и Волгой. Зимой 1377/78 г. Борис Городецкий и московский воевода «*взяша землю мордовскую и повоеваша всю*»⁹⁸. Отсутствие в этих событиях татар говорит, что в Наручаде тогда уже не было татарского князя. Можно предполагать, что именно в этом походе под власть Дмитрия Московского попали «места мордовские и татарские». Об этом захвате известно по московско-рязанским договорам: в по договору 1381 г. они значатся, как московские владения, по договорам 1402, 1447 – как земли, которые должны быть присоединены к московским владениям в случае падения ордынской власти, а по договору 1483 г. уже принадлежали Москве; то есть, после похода Тохтмыша Москва их потеряла, а возвратила уже при Иване III⁹⁹. Так же, вероятно, именно в результате этого похода под власть Нижнего Новгорода попало Запьянье (при описании татарского похода на нижегородские земли в 1408 г.

⁹⁷Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. С. 53.

⁹⁸Симеоновская летопись. С. 119.

⁹⁹Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 166-169.

⁹⁵Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. С. 92-93.

⁹⁶Симеоновская летопись. С. 118-119.

называется поселение южной части Запьянья – Сара Великая, рядом с которой были монастыри и сёла).

В 1378 г. *«придоша татарове ратью изгоном к Новугороду к Нижнему, а князя в городе несть, а люди ся розбежали. Граждане град повръгоша, побегоша за Волгу. И в то время приеха с Городца князь Дмитрий и виде град взят, и посла к татаром, дая окуп з города. Они же окупа не взяша, а град пожгоша в самый Боршишь день [24 июля], а назаутриа от града отыдоша и идучи повоеваша Березово поле и уезд весь»*¹⁰⁰. Принадлежность татар не указана, но мамаевцев московское летописание выделяло (причём, далее в летописи говорится о походе ордынцев Мамаю на Рязанскую землю). Надо полагать, это были татары сарайского хана, и войско их было достаточно сильным, чтобы сам великий князь не решился на боевое противостояние (это в свою очередь не позволяет быть гипотезе о нападении местными силами, появлению нового татарского князя в Наручаде). Несмотря на стремительное нападение, горожане оказались заранее предупреждены, и в отличии от прошлогоднего нападения, смогли все бежать. В значительной степени, видимо, это сделали и жители уезда, раз про полон упоминаний нет.

Последний раз об ушкуйниках говорится зимой 1379/80 г.: *«вятчане, шедше ратью в Арскую землю, и избивша разбойников ушкуйников, и воеводу их изнимаши Рязана и убиша»*¹⁰¹. Поскольку все сообщения об ушкуйниках летописного свода 1392 г. связывают с нижегородскими источниками¹⁰², то сообщение о таком удалённом от русских княжеств регионе можно связать с нижегородскими интересами. Можно предположить, что это сообщение отразило утверждение влияния Нижнего Новгорода в Вятке и по

соединяющей с ней р. Ветлуге. По договору 1445 г. (докончание Шемяки с суздальскими князьями Василием и Фёдором Юрьевичами) указывается *«в прадедину нашу, и в дедину, и в отчину, в Суздаль, в Новгород, в Городец, и в Вятку, и во всю патетем Новъгородскую <...> не въступатися ничим»*¹⁰³. То есть, буквально Вятка относилась к числу «прадедин», то есть, к владениям ещё Дмитрия Константиновича. Следует заметить, что административного подчинения (постоянные наместники, княжеские владения и пр.) со стороны Нижнего Новгорода и Москвы Вятка не имела до 1489 г., то есть, подчинение было номинальным.

Войны за Нижегородский престол в 1388-1415 гг. 10 марта 1388 г. к Нижнему Новгороду, против Бориса Константиновича, подошли Василий Дмитриевич Суздальский и его брат Семён с суздальскими и городецкими войсками и московскими воеводами (полки Можайский, волоцкий, звенигородский). После 5 дней стояния стороны пришли к соглашению – Борис поделился с племянниками частью нижегородских волостей.¹⁰⁴ В ноябре-декабре 1392 г. Василий Московский с ордынским посольством и ханским ярлыком ходил к Нижнему Новгороду, забрав город у Бориса Константиновича.¹⁰⁵ Эти походы не отмечались опустошениями и боевыми столкновениями (в последнем случае мы видим пример «взятия» без столкновений – такой термин видим в кратком сообщении свода 1418 г.¹⁰⁶). Затем конфликты с нижегородскими князьями стали переплетаться с конфликтами с поддерживающими их татарами (татарские царевичи с личными дружинами, булгары и мордва).

В 1391 г. *«прииде из Орды князь великий Нижнего Новгорода князь Борис Костянтинович. Того же лета царь*

¹⁰⁰Симеоновская летопись.С. 126.

¹⁰¹Там же. С. 129.

¹⁰²Мусихин А. Л. Существовала ли вятская летопись XV века? (К вопросу об атрибуции летописного известия 1374 г. о набегах ушкуйников на Вятку) // Герценка: Вятские записки. Вып. 4. Киров, 2003. С. 27-30.

¹⁰³Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. С. 119.

¹⁰⁴Симеоновская летопись. С. 137.

¹⁰⁵Московский летописный свод конца XV в. С. 219-220; Симеоновская летопись. С. 142.

¹⁰⁶Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. С. 372.

Тохтамыш посла царевича своего именем Бектута на Вятку ратью Он же шел Вятку взял, а люди посече, а иных в полон поведе, мужи и жены и дети. Того же лета новгородци Новагорода Великого да и устюжане гражане выехаша в насадах и в юшкуех рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин, и пограбиха весь, и Казань, и пакы выидоша на Волгу и пограбиха гостей всех, и поидоша прочь»¹⁰⁷. Устюг тогда находился под московской властью (в 1386 г. устюжане приняли участие в Новгородском походе, а в 1393 г. Устюг подвергся нападению новгородцев во время конфликта с Москвой), а Новгород в 1390 г. подтвердил власть Василия Московского (в поход, надо полгать, в первую очередь пошли двиняне). то есть, поход был с прямого или молчаливого согласия Василия Московского. Владельческая принадлежность Вятки тогда неизвестна, но в 1402 г. туда отправился с семьёй умирать Семён Дмитриевич Суздальский¹⁰⁸. То есть, можно предполагать, что нападение на Вятку было связано с борьбой Бориса Константиновича с племянниками. Сам блог из этих трёх сообщений за этот год можно увидеть в качестве «нижегородского» (далее идёт блог церковных событий вокруг Новгорода и Твери).

В октябре 1395 г. беглый князь Семён Дмитриевич Суздальский и царевич Ентяк С небольшим войском (1 тыс. татар по данным летописи) путём 3-дневной осады (отмечена перестрелка) на две недели захватили Нижний Новгород, после чего, в ноябре-феврале в 1395/96, московское войско во главе с Юрием Дмитриевичем Звенигородским «*шед взя город Болгары Великык и град Жукотин и град Казань и град Керменчюк и всю землю их повоева*»¹⁰⁹. События 1391 и 1395/96 гг. происходили на фоне большой войны Тохтамыша и Тамерлана.

¹⁰⁷Симеоновская летопись. С. 141.

¹⁰⁸ Московский летописный свод конца XV в. С. 232.

¹⁰⁹Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 512-513; Московский летописный свод конца XV в. С. 225-226. В летописях даётся также 1399/1400 г., но по совокупности данных правильной следует считать указанную датировку.

В 1399 г. «*князь великии Василии Дмитриевич посылал в Казань брата своего князя Юрья на князя Семена*»¹¹⁰. Поход, видимо, не состоялся, что можно связать с изменением ситуации после победы Едигея над Витовтом. Задача поймать Семёна Суздальского не была оставлена. Осенью 1401 г. Василий Московский послал воевод Ивана Андреевича Уду и Фёдора Глебовича за Семёном Суздальским «*на мордъву*», и «*в татарской земле*» была захвачена его семья.¹¹¹

Когда Едигей стоял под Москвой, некий царевич, усиленный булгарами и мордвой, «взяша» и «пожгоша» Нижний Новгород, затем пошёл вверх по Волге, «взяша» и «пожгоша» Городец, дошёл до Белогородья, затем повернули назад, от Нижнего Новгорода, оттуда «воевали» Уяды и Березополье, «пожгоша» Курмыш и Сару¹¹². В результате в Нижнем Новгороде и Городце (номинально также в Суздале) было

¹¹⁰Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 515.

А. А. Горский считает это дубляжом сообщения о событиях 1395/96 г., которые он датирует 1399/00 г. Можно найти текстологическое сходство с соответствующей фразой: «*князь великии Василий Дмитриевич собрав силу многу и посла брата своего князя Юрья Дмитриевича и с ним воевод, бояр своих стареших шедше же взяша град Болгары Великие и град Жукотин, и град Казань, и град Керемчюк*». Однако первые два фрагмента, то есть, почти всё текстологическое сходство – стандартная формулировка. Сообщение 1399 г. по повествовательному смыслу кардинально отличается от сообщения о Болгарском походе (в последнем Семён не задействован, а поход направлен не только на Казань, тогда лишь один из болгарских городов). При беглом прочтении можно воспринять их схожесть, но одно в другое могло трансформироваться только путём многократных переделок, что к моменту создания свода 1418 г. быть не могло. Больше вероятность, что наличие такого сообщения привело к тому, что при составлении соответствующего свода на его место поставили Повесть о событиях 1395/96 г. В сводах, где Повесть помещена под 1399 г., оно расположено перед Повестью о битве на Ворскле (август) и после сообщение о смерти Марии Дмитриевны (май). В своде 1418 г. сообщение о посылке на Казань также помещено до Повести о битве на Ворскле. Поэтому есть основания относить события к лету.

¹¹¹Московский летописный свод конца XV в. С. 231.

¹¹²Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 484; Московский летописный свод конца XV в. С. 240.

создано независимое от Москвы великое княжество, в котором правил Даниил Борисович и его родственники¹¹³.

В 1409 г. новгородская (двинская) флотилия (150 насадов), получив припасы в Костроме, «*вьючи и взяша Новгород Нижний*», а потом пошла к устью Камы. Туда с другой стороны плыла флотилия Анфала (100 насадов); болгары вначале дали ему откуп, но затем захватили его, перебили и разогнали его ратников¹¹⁴. Состав флотилии Анфала в летописях не указан. По указаниям на события 1391, 1399, 1417 гг. можно говорить об устюжанах и вятчанх (возможно также часть двинян).

В марте 1410 г., выступив из Нижнего Новгорода, царевич Талыч и нижегородский боярин Семен Карамышев (с 150 татар и 150 русских по московским данным) «изгоном» взяли и разграбили Владимир, а на обратном пути «взяли» Муром и Стародуб¹¹⁵. 15 января 1411 г. произошла битва («сеча зла») у Лыскова под Нижним Новгородом между московским войском Петра Дмитриевича Дмитровского (в нём был Данила Васильевич Суздальский, князя Ростовский и Ярославский) и войском Данила и Ивана Борисовичами, на стороне которых были болгарские и мордовские князья. Даниил Суздальский погиб. В итоге «*разидошася кождо в свояси*», но поле боя осталось за нижегородцами («*сташа же на костех*»)¹¹⁶. В 1412 г. и московский, и нижегородский князь успешно ездили в Орду за ярлыками.¹¹⁷

¹¹³Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 153.

¹¹⁴Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 485; Московский летописный свод конца XV в. С. 239.

¹¹⁵Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 485; Московский летописный свод конца XV в. С. 240.

¹¹⁶Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 485; Рогожский летописец. Стб. 186; Симеоновская летопись. С. 159. В Рогожском летописце и Симеоновской летописи это событие, как и набег на Владимир, ошибочно поставлено под 6919 г. (март 1411 – февраль 1412 гг.).

¹¹⁷Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 486; Летописный сборник,

Можно сказать, что война фактически прекратилась.

Видимо в итоге из-за бурных политических событий в Орде, нижегородские князья потеряли ордынскую поддержку. В январе 1415 г. большое московское войско Юрия Дмитриевича Звенигородского (в его составе были удельные князья Андрей Владимирович Радонежский и Боровский, Василий Владимирович Угличский и Перемышльский, «костромская сила», ярославские и ростовские князья) совершило успешный поход по подчинению Нижнего Новгорода (о боевых столкновениях и опустошениях не упомянуто). Нижегородские князья (Даниил и Иван Борисовичи, Иван Васильевич Кирдяпа, Василий Семёнович) бежали за Суру, до куда их Юрий преследовал. Обрато он с основной частью войска двинулся по Оке.¹¹⁸ Возможно, во время похода по Оке под московскую власть временно (до 1420-х гг.) попали «места татарские и мордовские», которые раньше временно находились под властью Дмитрия Московского¹¹⁹.

Сохранилась грамота нижегородского монастыря, в которой записано «*А дана грамота июля лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новегороде*». Так же известна грамота, которую «*князь великий Александр Иванович*» пожаловал суздальскому монастырю на владения в «*моей вотчине в Ноугородском княжении*», в Гороховце и Мещере. В ней есть приписка «*а дана грамота тое великий князь Александр взял мир с великим князем*». Этот конфликт было предложено связывать с летописным сообщением, помещённом в начале 6926 г. (весна 1418 г.): «*князь Данило Борисович с братом Иваном Новгородские бежа с Москвы от великого князя Василья Дмитриевича*». Его завершением считается летописная запись «*князь велики Василеи*

именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 11 М., 2000. С. 219.

¹¹⁸Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 447-448.

¹¹⁹Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 166-169.

отдаст дочь свою Василису за князя Александра Ивановича Суздальского» 5 февраля 1419 г. А. А. Горский определил князя во второй грамоте, как сына Ивана Васильевича Кирдяпы, и вывел именно его первым мужем Василисы.¹²⁰

В 1416 г. *«приехали к великому князю князи новгородские князь Иван Васильевич и князь Иван Борисович, а сын его Александр наперед его приехал за два года»*¹²¹. Принято понимать, что Александр здесь – сын Ивана Борисовича. Но фраза построена так, что здесь мог подразумеваться и сын Ивана Васильевича Кирдяпы. Получается Александр Иванович прибыл к Василию Московскому в 6922 г., то есть, как раз в тот год, когда Москва подчинила Нижний Новгород. Ожидаемо, что именно он получил титул «великий князь Суздальский» и владения в Нижегородской «отчине». Соответственно указанный в грамоте мир завершил московско-нижегородскую войну 1409-1415 гг., и не обязательно видеть «размирье» 1418 г., которое даже в демонстративном виде возможно только при наличии у Александра компактного удела, а не разрозненных небольших владений.

Конфликты 1418-1431 гг. Летописное сообщение под 1418 г.: *«убиен Анфал и сын его Нестер на Вятке от Михаила Россохина»*¹²². Дополнительная информация есть в поздних синодиках, общий текст которых *«Сабурова дружина. Айфала. Стефана. Нестора. Матфея дважды. Григория. Иоанна. Пагкратия. Исаакия. И иже с ними убиенных»*. В Сабурове можно увидеть костромского боярина Фёдора Ивановича Сабурова¹²³, подпись которого стоит последней под вторым (1417 г.) и третьим (1423 г.) завещаниями Василия Московского. Михаил Россохин **в выше приведённом**

сообщении 1417 г. назван беглым двинским боярином во главе вятчан. Сложно однозначно сказать, в чём было причина столкновения, в котором с обеих сторон участвовали беглые двинские бояре, и, возможно, был задействован московский боярин. Это последний известный вооруженный конфликт в период правления Василия Дмитриевича Московского.

В декабре-январе 1428/29 г. был набег татарского царевича Махмут-Хозя и князя Али-Бабы. Вначале они напали на Галич (*«града не взяша, а волости повоеваша»*), затем 6 января *«придоша изгоном на Кострому и поплениша»*. В погоню за ними отправилось большое московское войско (во главе с Андреем Можайским и Константином Углицким, боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским). Они дошли до Нижнего Новгорода, но татар не догнали. Воеводы Фёдор Давыдович Палецкий Пёстрый и Фёдор Константинович Добынский продолжили преследования. С главными силами, с царевичем и князем, не встретились, но настигли отдельные отряды, *«полон отъимали»*¹²⁴. Сокращённые своды 1493 и 1495 гг., отражающий северорусский (белозерский) свод 1472 г., говорит, что татары стояли под Галичем месяц¹²⁵, но эти данные могут быть неточные или искажённые (слишком долгое стояние в одном уезде; но продолжительное там нахождение подтверждено тем фактом, что успели собрать крупные силы). Также там: *«пришел Кострому взяли и Плесо и Лух»*. В 1410 г. был срублен *«град Плесо»*, а в 1416 г. *«град Кострома заложен бысть»*.¹²⁶ Но в данном случае непонятно, были ли взяты эти крепости, или были пограблены посады и окрестности (нет прямых указаний на «взятие града», не говорится, как обычно в таких случаях, о сожжении). Это первый известный набег со стороны черемисской земли (во

¹²⁰Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. С. 157-159. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958. С. 478-480.

¹²¹Московский летописный свод конца XV в. С. 243.

¹²²Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 542.

¹²³Мусихин А. Л. Загадки Анфала Никитина. // Герценка: Вятские записки. Вып. 20. Киров, 2011. С. 45-52.

¹²⁴Московский летописный свод конца XV в. С. 248. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 86.

¹²⁵Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. // ПСРЛ. Т. 27. М., 2004. С. 269, 343.

¹²⁶Московский летописный свод конца XV в. С. 240, 243.

время казанских войн они станут частым явлением).

В 1431 г. московское войско во главе с Фёдором Палецким совершило опустошительный поход на Булгарию, воевода «взял» город Болгар¹²⁷. Только в Никоновской летописи указывалось, что поход был весной¹²⁸, а более ранние летописи время похода не уточняют (следующее датированное сообщение в них относя к лету, а предыдущие – к октябрю 1430 г., то есть, составитель Никоновской летописи мог время написать оценочно).

Казанские войны. После 1443 г. Улу-Мухаммед действовал фактически как казанский хан. В 1444 г. он собирался идти на Нижний Новгород, и Василий Московский начал готовить город к осаде¹²⁹.

О кампании 1445 г. базовая повесть представлена в московском летописании¹³⁰. Поскольку часть о зимних событиях в Московском своде сохранилась только в списке XVIII в., то следует использовать летописи, отразивший московский свод 1472 г.¹³¹ Дополнительные сведения о событиях зимы-весны есть в северорусском летописании: Ермолинской и Львовской летописях, Сокращенном своде 1493 г.¹³² Имеющиеся летописные данные о событиях зимы-лета требуют тщательного разбора, т. к. буквальное их прочтение будет противоречивым.

«Князь великий Василей Васильевич пошёл тогда со всею братиею к Володимерю, князь Дмитри Шемьяка с ним, князь Иван, князь Михаило Ондреевич и князь Василией Ярославич и со всеми князи своими и бояры, и воеводами, со всеми людьми против царя Махмута; пришед бо сел в Новегороде Нижнем старом, оттуду поиде к Мурому.

¹²⁷Там же. С. 248.

¹²⁸Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 9.

¹²⁹Ермолинская летопись. С. 151.

¹³⁰Московский летописный свод конца XV в. С. 262-263, 395.

¹³¹Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. С. 109.

¹³²Львовская летопись. С. 257; Ермолинская летопись. С. 151; Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. С. 272.

Князь же великий слышев то взяв крещение в Володимере [6 января], поиде противу ему со всею братиею и со всеми людьми к Мурому. Царь же, слышев то, возвратися бегом к Новугороду. А переднии полци велкого князя биша татар под Муромом и в Гороховце и во иных местех. А царь седе в Муроме, а татарове в тож время, коли царь под Муром ходил, Лух воевали. А князь великий возвратися, иде к Суздаю, а оттоле к Володимерю, а из Володимеря прииде на Москву в пяток великий вечере [26 марта]». Сюда можно добавить (из последующего повествования), что хан захватил и Курмыш (оттуда был отпущен пленённый Василий Темный).

Подчеркнутое предложение вызывает вопросы. Буквально это означает, что, отступив от Мурома к Нижнему Новгороду, хан сел в Муром. Тут явно испорчен текст ещё в своде 1472 г. Можно предполагать, что и изначально читалось про то, что хан сел в Нижнем Новгороде, но фактически об этом уже сообщалось в предыдущем предложении. В Воскресенской летописи вместо «царь седе в Муроме» - «сам князь великий тогда седе в Муроме» (но это скорее реконструкция в противоречивом тексте, т. к. следов использования дополнительных источников нет). Расстояние от Мурома до Луха 150 км, а от Гороховца – 90, то есть, отделившийся от основного войска отряд вполне мог совершить такой точечный набег. Недоумению вызывает то, что посреди повествования о Муромской кампании сообщение о набеге на Лух записано с уточнением «когда хан ходил к Мурому». то есть, данная цитата является вставкой в изначальною повесть (иначе бы сообщение о набеге на Лух находилось бы выше). Её можно убрать, не нарушив повествовательную целостность.

В сокращённом своде 1493 г. сохранилась самостоятельно известие о зимних событиях: «зиме царь Махмет приходи к Мурому, и князь великий был сам в Муроме, и татар побили по селом, тогда застрелили Александра Иванова сына Костянтиновичя. И на бою их руки знобили». Ермолинская летопись: «царь прииде к

Мурому от Новгорода от Нижняго, и князь великы поиде противу ему к Володимерю, и посла на него воеводы. Они же шедше, и побиша татар под Муромом. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костянтиновича в Гороховце, под Ореховцем, в Новгороде Нижнем, а в новом затворишася воеводы князя великого, князь Федор Давидович да пан Юшко Драница». Почеркнутая часть однозначно вставка, которая нарушила целостность повествования. Без неё, до «в Гороховце», текст является переложением московской повести.

Текст Львовской летописи можно разбить на фрагменты: *«тое же зимы князь великий Васильевич поиде ратию с своєю братие на царя Махмета. Бе бо царь сей пришел к Новгороду Нижнему и хоте ту зимовати; ко Крещению прииде к Мурому, а князь великий поиде противу их, они же слышавше побегоша от Муромы; а воеводы великого князя угониша их и побиша их под Муромом, и у Гороховца (1), под Гороховцем, и в Нижнем Новгороде старом, а в мениом затворишася воеводы великого князя (2). Товды же князь великий и сам был в Муроме. И татар били по селом. Тогда застрелили Александра Иванова сына Костянтиновича в рот(3)»*. Третий фрагмент взят из одного источника с сокращённым сводом 1493 г. Первый фрагмент является переложением московской повести (в ином варианте, чем в Ермолинской летописи). Указание о том, что хан пришёл ко Крещению к Мурому является искажением при данном переложении (перенесения хронологической отметки от великого князя к хану).

Второй фрагмент в Львовской летописи и вторая часть в Ермолинской летописи явно имеют общий протограф. Обращает внимание соотношение слов «под Гороховцем» и «под Ореховцем», которое подразумевает правильным один вариант. По актам конца XVI в. известна деревня Ореховец под Арзамасом (100 км южнее линии Гороховец – Нижний Новгород; 100 км на юго-восток от Муромы), но эти мордовские земли в середине XV в. русским князьям ещё не принадлежали. то есть, «Ореховец» в данном случае – это искажённое «Гороховец».

По этому сообщению, передовые полки дошли до старого Нижнего Новгорода, заняли новую Нижегородскую крепость. Это противоречит московской повести, что хан занял именно старый Нижний Новгород и не отмечающ серьёзные бои дальше Гороховца. В московской повести сказано, что в июне «воеводы новгородские» князь Федор Долгольд и Юшко Драница *«град зжегше, поне же изнемогоша с голоду»* и прибежали к великому князю. Учитывая данные о заблаговременной подготовке Нижнего Новгорода к обороне, можно уверенно предполагать изначальное нахождение этих воевод в крепости. Должно было быть было ещё краткое сообщение о зимней кампании, подобное сообщению краткого свода, но уже с сообщением о данных воеводах (т. к. имя первого воеводы названо иначе, чем в Московской своде, существенно снижается вероятность, что это летописная реконструкция, основанная на упоминание «новгородских воевод» в Московском своде). При создании компилятивных повестей в переложении московского повествования были сделаны вставки из данных сообщений, а сообщение о воеводах в Нижнем Новгороде произвольно вставили в данное место.

Возвращаясь к подчёркнутой вставке в сохранившемся варианте московской повести (про занятие ханом Муромы и набег на Лух), следует отметить, что в Львовской и Ермолинской летописях про занятие ханом Муромы нет (то есть, такая информация из используемой составителями московской повести туда не попала). В Львовской летописи после описания зимней кампании: *«того же лета татарове Лух воевали»*. Согласно Ермолинской летописи весной к хану пришли наёмники-черкесы. Они самовольно «взяша» Лух (130 км от Нижнего Новгорода), вернулись назад с полоном и добычей; и именно богатая добыча якобы побудили хана организовать новый поход. Сюжет про пополнение войска наёмниками после зимней кампании вписывается в картину, что зимой хан не решился ввязаться в сражение с великокняжескими войсками, а летом одержал победу путём сражения. То есть, можно уверенно говорить, что поход на Лух был весной. А приведённую цитату из московской повести следует признать

испорченной вставкой при составлении свода 1472 г.

Таким образом, по летописным сведениям, ход зимней кампании имеет такой вид. К зиме 1444/45 г. Улу-Мухаммед занял старый Нижний Новгород, подчинил Курмыш. Великокняжеские воеводы заперлись в новом Нижнем Новгороде (сидели там до июня, пока не закончилось продовольствие). От Нижнего Новгорода хан пошёл к Мурому. К 6 января Василий Темный и удельные князья прибыли во Владимир. Когда они двинулись к Мурому, то хан отошёл к старому Нижнему Новгороду. «*Передние полци*» вступили в столкновения с отступающими отрядами ордынцев под Муромом и Гороховцем. После похода к Мурому Василий Темный до середины марта оставался во Владимире, возглавляя прикрывавшие войска границу. Весной ханские наёмники совершили набег на Лух.

В мае Василий Московский узнал, что хан отправляет сыновей Мамутека и Якуба в поход. После 29 мая выступил из Москвы, а после 29 июня, получив весть об окончательном падении Нижнего Новгорода, выступил к Суздалью. 7 июля 1445 г. на р. Каменке под Суздалем царевичи Мамутек и Якуб разгромили Василия Московского (1500 воинов по московским данным), захватили его в плен, 3 дня стояли в Суздале, затем подошли под Владимир, затем ушли к Мурому, оттуда к Нижнему Новгороду. Из летописного описания Суздальской битвы видно то, что разведка оповещала о приближении татарского войска. Из описания самого сражения («*сразившимся им и начаша прежде полци великого князя одоляти, а татарове побегоша; наши же, ови погнаша по них, а инии сами побегоша, друзии же начаша уже избитых татар грабити, а татарове пакы възратишася на христиан и тако одолеша им*») видно только то, что происходила она с переменным успехом, причём с одновременным успехом разных сторон на разных участках битвы. А варианты манёвров под это описание можно

придумать самые разные¹³³. Понятно только, что был расчленённый боевой порядок.

По итогу война прекратилась, а Москва заплатила выкуп. Для Василия и Фёдора Юрьевичей (внуки Василия Кирдяпы) восстановлено Суздальско-Нижегородское княжество (с Городцом и Вяткой), но уже в 1446 г. его ликвидировал Шемяка. В 1449 г. Василий Темный заключил договор с Иваном Васильевичем Горбатым, внуком Семёна Дмитриевича, согласно которому Иван обязан был отдать великому князю все старые ярлыки на Суздаль, Нижний Новгород и Городец и обязывался не принимать от ханов новых¹³⁴. В русско-казанских войнах при Иване III уже московский князь продавливал своего кандидата на казанский престол.

¹³³Бузденков Д. Е. К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») // ИВД. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. III. 2017. С. 708-711. В ответной статье М. А. Несина отмечалось, что по летописному описанию «обратив в бегство татар, значительная часть русских войск была уверена, будто неприятели в самом деле бежали... Поэтому нужно полагать, тактика татар была не случайной, а носила спланированный характер. Полагаем, что татары использовали засадный маневр, а русские именно попали в ловушку». (Несин М. А. К истории битвы под Суздалем 1445 г., сражения под Русой 1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д. Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») // ИВД. Т. X. 2018. С. 10). То есть, повествование акцентирует на то, что перелом в битве произошёл после того, как русские посчитали отступление татар своей победой, а татарское войско неожиданно атаковало. Но даже эта картина предполагает много вариантов, помимо ложного отступления под удар засады. Например, подход с марша основных сил или арьергарда, обходной манёвр и пр.

¹³⁴Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. С. 165-166.

Весной 1446 г. флотилия казанцев подошла к Устюгу. Они пытались взять город штурмом, а потом 3 дня стояли под ним, взяли откуп и ушли назад по рр. Юг и Ветлуга¹³⁵. В 1447 г. Дмитрий Шемяка установил дипломатические контакты с казанским ханом Мамутеком, настраивал его против Василия Темного, к Шемяке прибыл ханский посол, в Казани был задержан великокняжеский посол¹³⁶. В ноябре-декабре Мамутек послал войска воевать владимирские и муромские земли. Против них выступили великокняжеские войска.¹³⁷ О самом ходе кампании указаний нет. По буквальному прочтению сообщения получается, что в Москве заранее знали о подготовке нападения, выдвинули войска, чем сорвали нападение (или предотвратили масштабные «воевания»). По крайней мере, нет оснований говорить о том, что состоялось крупное вторжение (в других летописях об этом набеге не упоминается, в ту зиму Василий Московский также провёл поход против Шемяки). Ещё в апреле великокняжеский сын Иван был во Владимире, то есть, надо полагать, всё это время под Владимиром располагались войска, прикрывающие казанскую границу.

Митрополит Иона в послании смоленскому епископу объяснял причину немилости со стороны великого князя по отношению к Ивану Можайскому, лишённому в 1454 г. владений. Причиной назвалась то, что он не ходил на войну по требованию великого князя. Вначале сообщалось о набеге сына Сеид-Ахмада (поход на Москву 1451 г.). *«Также, сыну, на Галичь, рать татарская приходила, и сын наш великий князь и мы посылали к нему коломеньскаго владыку Геронтия о том же, чтобы пошел на оборону христианству, воевод ли бы с своими людьми послал»*¹³⁸. Иона стал митрополитом в 1448 г. Геронтий здесь впервые упоминается как коломенский епископ (в духовной грамоте Софьи

Витовны, составленной 2 ноября 1451 г.¹³⁹, он ещё назван симоновским архимандритом, но при составлении послания мог быть назван текущий, а не относящийся к времени события сан Геронтия). Сам набег на Галич, как владение Василия Темного, мог произойти только после зимы 1450 г. В другом послании Ионы, тверскому епископу Илие, написано: от *«безбожнаго царя казанскаго»* было разорение и полон; великий князь собирается идти *«на того безбожнаго царя, со всею своею братьею и со всеми своими людьми»*; просьба о посылке воевод тверским князем¹⁴⁰. Илия был на тверской кафедре ещё в 1430-е гг., а умер после 1455 г. Если принять хронологию послания (поход казанцев после похода ордынцев на Москву летом 1451 г.), то это события произошло в период от осени 1451 до весны 1454 гг. Косвенным подтверждение названной последовательности татарских набегов является то, что летом 1451 г. великий князь бежал за Волгу, то есть, восточная граница не считалась опасной. Точнее установить датировку события можно только по аналогии. Татары нападали на Галич в декабре 1428 г. и поздней осенью 1467 г., то есть, нападение вероятней было в морозное время года. Зимой 1451/52 г. великий князь спокойно посылал свои основные войска на север, т. е. вряд ли учитывал опасность со стороны Казани. По аналогии с арестом Андрея Угличского, который в 1491 г. не послал войска по требованию царя, расправа должна произойти в ближайшие месяцы после события, в котором князь обвинялся. то есть, скорее всего набег на Галич случился зимой 1453/54 г.

Затем между Казанью и Москвой установились союзные отношения. В 1456 г. татары, посланные ханом Мамутеком, ходили с московским войском на Новгород. Во время пребывания Василия Темного в Новгороде зимой 1459/60 г. митрополит предостерегал новгородцев от действий против великого князя, в т. ч. словами: *«а се часа того рать*

¹³⁵Устюжские и вологодские летописи // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 87-88.

¹³⁶Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. С. 80.

¹³⁷ Московский летописный свод конца XV в. С. 269.

¹³⁸ Акты исторические. Т. 1. . С. 103-105.

¹³⁹Конявская Е. Л. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны. //Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 173.

¹⁴⁰Акты исторические. Т. 1. С. 99-100.

испросивши у царя, и поидет на вы» (скорее всего, здесь подразумевался казанский хан). В 1461 г. наметился московско-казанский конфликт, но дело завершилось мирным договором¹⁴¹.

Сохранилась духовная грамота суздальского землевладельца Есипа Окинова, которая 5 марта 1459 г. была представлена для утверждения митрополиту¹⁴². В приписке к ней значились, что послухи, бывшие при составлении грамоты, Кощей с Шухомаша и Арефа Горло, «люди великого князя» (то есть, дворовые дети боярские) не прибыли к митрополиту, т. к. князь Семён Васильевич Несвижский не пустил их «из осады с Плеса» «по великого князя приказу». то есть, видим практику, когда в крепости будущей Казанской у крайны в зимнее время жили гарнизоны из детей боярских. Если бы в эту зиму были набеги, то скорее в грамоте об этом и было сказано, как важная причина.

Можно предположить, что набег на Галич осуществился без ведома хана, и сохранилась опасность набегов со стороны отдельных казанских князей. Политическая история Казанского ханства при Мамутеке совсем неизвестна, но объективное хану приходилось формировать новое государство, сталкиваясь с интересами местных элит.

Видно, что войны с нижегородскими князьями представляли собой в основном демонстрации московских сил (1365, 1388, 1392, 1415 гг.). Кровопролитные столкновения отмечены только, когда на стороне нижегородских князей выступали татары (1395, 1409, 1410, 1411 гг.).

Нападения на Нижний Новгород и его уезд со стороны мордовской земли отмечены в период лето-октябрь (1367, 1375, 1377, 1378, 1395 гг.). Ордынские набеги со стороны Нижнего Новгорода и Булгарии отмечены в декабре-марте (1408, 1410, 1428/29, 1444/45, 1447 гг.); исключения были только походы весны-лета 1445 и весны 1446 гг. Татары изгоном могли взять и разграбить город.

¹⁴¹Несин М. А. Казанский хан Махмуд и Василий П. // Global-Turk. № 1-2. 2017. С. 138, 142.

¹⁴²Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964. С. 137-138.

Осуществлялись короткие (3 дня) осады. Когда набег или подготовка к нему были достаточно продолжительными для сбора необходимых сил (1367, осень 1377, 1429, январь 1445 гг.), то удавалось организовать погоню и догнать нападавших, в некоторой степени отбить полон (степень успеха в летописи объективно преувеличивалась). Уже в описании набега 1367 г. отмечается действие против татар, отправившихся в «зажитье», то есть, против загонов. При вторжении сильного ордынского войска (август 1377, 1378, 1408 гг.) в описании видны только пассивные действия, даже города не обороняли (первая кампания выделяется внезапным разгромом русского войска). Нападения на Запьянье летом 1375 г., на Вятку в 1391 и на Устюг весной 1446 г. являются примерами походов на окраинные территории, где были слабые местные силы, помощь в лучшем случае могла прибыть только через очень продолжительное время. Владимирская кампания 1410 г. и Лухская кампания весны 1445 г. представляет собой примеры скоротечных глубоких локальных набегов, против которых не было времени организовать противодействие. Выделяется Нижегородская кампания Улу-Мухаммеда. Впервые стали готовить город к обороне, полгода удерживая крепость. Первый и последний раз ордынцы продолжительное время удерживали занятую территорию, которую русская сторона даже не пыталась отбить. И совершенно особо выглядит Суздальская кампания, которая сразу решилась в одном «правильном» сражении.

События 1444-1447 гг. заложили основу схемы обороны «от казанской крайны», центром которой стал Владимир, а воеводы были разосланы по городам. В 1450-е гг. даже в мирное время стала обычной практика держать зимой гарнизоны в пограничных крепостях.

Московские походы на Булгарию и мордву (1377-1378, 1395/96, 1431 гг.) по описанию нельзя назвать внезапными. Они выглядят как вторжения превосходящих сил. Но умение совершить внезапный рейд видно на примере похода 1401 г. Противник имел слабую крепостную фортификацию, что не

позволяло осуществлять эффективную оборону. Походы северных флотилий на Булгар и Нижний Новгород (1391, 1409 гг.) можно назвать продолжением тактики ушкуйников.

Т. к. все датированные московские походы на Булгарию, мордву и Нижний Новгород, кроме похода на Пьяну летом 1377 г., относятся к морозному времени (ноябрь-март), то можно полагать это обыденностью, и судовые походы, не считая походов северных флотилий, не практиковались (при том, что в домонгольское время были неоднократные походы владимиро-суздальских флотилий на Булгарию). Первый речной поход московского войска на Казань описан под 1469 г.¹⁴³

Рязанские войны.

В декабре 1371 г. (когда был перерыв в войны с Тверью и Литвой) московские войска, которые возглавлял Дмитрий Волынский, разгромили рать Олега Рязанского на Скорнице, в результате чего рязанским князем на время стал Владимир Пронский¹⁴⁴. Весной или летом 1372 г. *«Олег Рязаньский, събрав воя, прииде ратью на Рязань изгоном на князя Володимера Проньскаго и согна его, а сам седе на княжении на великом»*¹⁴⁵.

Согласно краткой повести о Донском побоище, выступление Рязани на стороне Мамаю в 1380 г. было представлено разрушением рязанцами мостов. После демонстративного давления дело завершилось мирным соглашением¹⁴⁶. Согласно договору, Рязанское княжество понесло территориальные потери, Олег Рязанский сложил клятву с договора с Литвой. *«А что князь великий Дмитрии и брат, князь Володимер, билися на Дону с татари, от того веремени, что грабеж или что поиманы у князя у великого людии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчи, отдати то по*

исправе».¹⁴⁷ Из последнего предложения не ясно, грабили и брали в плен рязанцы или москвичи или те и другие? В Пространной Повести говорится о грабежах рязанцев уходивших с битвы москвичей, но от этого источника высокого стиля можно ожидать и односторонний взгляд, и искажение действительности.

Осенью 1382 г. московские войска массированным вторжением опустошили рязанскую землю (Олег Рязанский бежал)¹⁴⁸. Судя по московско-рязанским договорам, в походе участвовали тарусские и новосильские войска. 25 марта 1385 г. Олег изгоном захватил Коломну. Дмитрий Московский в ответ, примерно в мае-июне, послал крупные силы во главе с Владимиром Серпуховским на Рязанскую землю, но они были разбиты в сражении под Перевицким¹⁴⁹. Согласно своду 1418 г., одновременно московские войска ходили на Муром¹⁵⁰. На этом рязанско-московские войны прекратились.

Весной 1408 г. Иван Пронский при ордынской поддержке изгнал из Рязани Фёдора Ольговича, который бежал в московские владения. 1 июня 1408 г. произошло сражение на р. Смявда, где Иван Пронский (при нём был ордынский отряд) разбил войско Фёдора Ольговича Рязанского, которому на помощь пришёл коломенский полк¹⁵¹. Вскоре Иван и Фёдор примирились.

Видно, что в рязанских войнах большая часть кампаний решалась сражением (происходили на рязанской территории). Только кампания 1382 г. представляла собой стратегию опустошительного наступления московских войска. Наступательные действия рязанцев представляли захват пограничных городов изгоном, а также (в 1380 г.) рейды по тылам московского войска.

¹⁴⁷Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 29-30.

¹⁴⁸Симеоновская летопись. С. 133.

¹⁴⁹Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011. С. 54-68.

¹⁵⁰Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 490.

¹⁵¹Комаров О. В. Татарские походы на Рязанское княжество и Никоновская летопись. С.118-120.

¹⁴³Московский летописный свод конца XV в. С. 281-282.

¹⁴⁴Симеоновская летопись. С. 111-112.

¹⁴⁵Там же. С. 112.

¹⁴⁶Там же. С. 130

**Московская Династическая война
1425-1454 гг.**

Первое «размирье» среди князей московского дома отмечено зимой 1388/89 г. между Дмитрием Московским и Владимиром Серпуховским. Дмитрий арестовал высших бояр Владимира. Уже 25 марта был заключён мир. С лета по зиму 1389/90 г. отмечено «размирье» между Василием Московским и Владимиром Серпуховским. Последний вместе с сыном и высшими боярами на период конфликта укрылся в Торжке¹⁵². Таким образом, уже видна практика «демонстративных» конфликтов.

Династическая война 1425-1454 гг. описана в официальном московском летописании, Московском летописном своде конца XV в.¹⁵³ Варианты описания этих событий сохранились в отражающих ростовское и белозерское летописание Ермолинской, Типографской, Львовской летописях.¹⁵⁴ Она состояла из кампаний 1425, 1433-1436, 1442 г., 1446- 1452, 1454 гг.

Война 1425 г. Весной 1425 г. великокняжеские силы выступили в ответ на сбор сил Юрием Галицким к Костроме, тот занял Нижний Новгород, затем при приближении великокняжеских сил отошёл к р. Суре, и дело завершилось стоянием противостоящих сил на берегах этой реки.

О «воевании» не сообщается. В докончании Юрия Галицкого и Василия Московского 1428 г. *«а что межи нас в наше нелюбие воины и грабежи, или дани иманы, или где что взято и положено, и тому погреб на обе стороне. А хто будет нятцев изниман, или на поруце дань, или к целованию приведен, а тех пустити без откупа и порука целованье свести на обе стороны»*¹⁵⁵. то есть, в конфликте 1425 г. отмечены грабежи и пленные (нятцы), но о «полоне», как явлении, не сказано.

¹⁵²Симеоновская летопись.. С. 139.

¹⁵³Московский летописный свод конца XV в. С. 246, 250-252, 264-273.

¹⁵⁴Львовская летопись. С. 233, 234, 238-240, 256, 259-262; Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 182-184; Ермолинская летопись. С. 146-155.

¹⁵⁵Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 65, 67.

Львовская и Ермолинская летописи под 1430 г. описывают ещё одну Нижегородскую кампанию, но это был пересказ сообщения Московского свода под 1425 г., а под 1425 г. Львовская летопись представила краткий вариант Нижегородской кампании. Московская летопись под 1430 г. говорит о «размирье» Василия и Юрия, но боевых действий и походов это само по себе не подразумевало.

Война 1433-1436 гг. В битве под Москвой на Клязьме 25 апреля 1433 г. Юрий Галицкий, прибывший из Галича через Переяславль, разбил Василия Темного. После этого сел на московский престол, но был вынужден оставить его из-за политических процессов. О «воевании» земель летопись не сообщает. Докончание Юрия Дмитриевича и Василия Васильевича в 1433 г. (после возвращения последнего на московский престол) говорит о грабежах княжеской и боярской казны в период «размирья», но о полоне не упоминается¹⁵⁶.

По докончанию Юрий обязался не помогать своим сыновьям (Василий Косой и Дмитрий Шемяка). Василий Темный послал против них на Кострому воеводу Юрия Патрикеева. В сражение на р. Куси 28 сентября 1433 г. Василий и Дмитрий (с галичанами и вятчанами) разбили это войско, после чего вернулись в Кострому.

Зимой 1433/34 г. Василий Темный осадил Галич (Юрий Галицкий бежал в Белоозеро), *«город Галич взя и ссоже, а люди в полон поведе, и много зла створив земли той възратися к Москве»*. Юрий вернулся в Галич. то есть, это была акция устрашения. 20 марта 1434 г. Юрий Галицкий разбил Василия Темного на р. Могзе в Ростовской области. Василий бежал в Новгород, а Юрий подошёл к Москве 24 марта, 31 вошёл в неё, опять сев на престол. О «воевании отчин» и «полоне» говорится в докончаниях, который Юрий, заключил после вокняжения в Москве с Андреем Можайским¹⁵⁷ и с Иваном Рязанским¹⁵⁸. Последний документ также

¹⁵⁶Там же. С. 77, 79-80.

¹⁵⁷Там же. С. 83.

¹⁵⁸Там же. С. 86.

показывает участие рязанского войска в походе на Галич.

Только при описании осады Галича в московском летописании о Династической войне отмечено «воевание». Эмоциональное описание «воевания» при осаде Галича отмечены даже в псковском летописании¹⁵⁹. Это выделяет данный эпизод, может говорить о «нарушении правил игры», но по итогу «воевание», пусть и в ограниченном масштабе, вошло в практику княжеской борьбы.

5 июня 1434 г. Юрий Галицкий умер. Василий Темный вернулся в Москву. Его признали все князья, кроме Василия Косого, который обосновался в Костроме. Зимой стороны выступили в поход, и 6 января 1435 г. на р. Которосли, между Ростовом и Ярославлем Василий Темный разбил Василия Косого. Зимой-весной Василий Косой, обосновавшись на тверских землях, совершил рейд из Кашина (с 300 воинами, согласно Типографской летописи): «изгоном» взял Вологду (захватил великокняжеских воевод), затем расположился в Заозерье (разбил напавших на него «изгоном» воинов Дмитрия Заозерского, разграбил его вотчину), затем прибыл в Устюг, где против него на Пасху (17 апреля) поднялось восстание, и ему пришлось бежать. Он стал собирать силы на Костроме (в т. ч. прибыли вятчане). Василий Темный и Василий Косой расположились по берегам р. Костромы, после чего было заключено перемирие. В докончании говорится о полоне, захваченном Василием Косым в великокняжеских и удельных владениях, белозерском и ярославском полоне, о захваченном имуществе князей и бояр на Вологде¹⁶⁰.

Московско-тверской договор, составленный в период начала апреля – начала сентября 1437 г.,¹⁶¹ предполагал отпустить кашинский и тверской полон, а Борис Тверской складывал с себя присягу

литовскому князю Сигизмунду¹⁶². Видимо, к этому конфликту относится описанное в повести о княжении Бориса Тверского событие: со стороны Ржевы на тверские земли был совершён рейд московского воеводы Колычева, который хотел пленить зубцовского князя, но тверские воеводы с сотней воинов разбили и преследовали его¹⁶³. Этот конфликт можно связать с помощью тверским князем Василию Косому зимой 1435 г.¹⁶⁴ В Тверской летописи записи между 1434 (смерть Юрия Галицкого) и 1438 (строительство церкви в Твери) гг. не заполнены. Видеть в конфликте отдельную войну нет оснований.

Зимой 1436 г. Василий Косой, придя из Галича (в т. ч. с вятчанами), после 9-недельной осады (с 1 января) взял Устюг. В Устюжской летописи запись об этом событии – первая имеет дополнительные источники (местные). По ней во время осады Василий Косой «*волости и сёла выпустошил*», вошёл в город, когда московский наместник Глеб Оболенский пошёл на капитуляцию, но при этом, вопреки общению, Косой провёл расправы¹⁶⁵. В конце марта Василий Косой от Устюга пошёл на Вологду, где к нему присоединился Дмитрий Шемяка. 14 мая 1436 г. у села Скорятина в Ростовской области Василий Темный разбил и пленил Василия Косого.

Устюжская летопись сообщает, что когда Василий Косой перешёл Волгу (идя навстречу Василию Темному), то отправил к Ярославлю вятскую судовую рать. Александр Ярославский с судовой ратью из ярославцев и угличан (собранных по приказу великого князя специально для противодействия вятской флотилии) стоял в устье р. Которосли. Вятчане незаметно пленили князя Александра с семьёй, благополучно доплыли с ними до Вятки¹⁶⁶.

В описании событий 1433-1436 гг. летописи говорят только о «воевании» под Галичем зимой 1434 г., а также о грабеже

¹⁵⁹Новгородские и псковские летописи. С. 208

¹⁶⁰Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 102, 104-105.

¹⁶¹О датировке см.: Семенченко Г. В. Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1997. С. 4-15.

¹⁶²Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 106.

¹⁶³Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 88, 90.

¹⁶⁴Типографская летопись. М., 2000. С. 183.

¹⁶⁵Устюжские и вологодские летописи. С. 86.

¹⁶⁶Там же.

Заозерья в 1435 г. и под Устюгом зимой 1436 г. В dokonчаниях Василия Темного с Дмитрием Шемякой (13 июня 1436 г.) говорится о «полоне», который захватили Юрий Галицкий, Дмитрий Шемяка и Василий Косой, о грабежах, которых совершали люди Дмитрия Шемяки.¹⁶⁷

Войны в 1442-1450 гг. В 1442 г. Василий Темный ходил против Шемяки к Угличу, тот ушёл в Бежецкий Верх. Василий после некоторого преследования вернулся в Москву; затем Шемяка, собравшись с силами, пошёл к Москве, дошёл до Троице-Сергиева монастыря, где было заключено перемирие. Ростовская летопись о «воевании» не сообщает. Новгородская летопись отмечает, что Шемяка при отходе в Бежецкий Верх *«много волостем пакости учини»*¹⁶⁸. В dokonчании Василия Московского и Дмитрия Шемяки после этого «размирья» говорится о полоне (старом и нынешнем), в т. ч. новгородском, о «войне и грабежах» городов и сёл.¹⁶⁹

Кампания 1446 г. состояла из рейдов, направленных против определённых людей или на локальные цели. Началась и закончилась она тем, что ночью 12 февраля 1446 г. Шемяка, а 25 декабря Михаил Борисович Плещеев, посланный Василием Темным, и отряд тверского воеводы Льва (всего 90-100 воинов, согласно тверскому летописанию) изгоном брали Москву, не встречая сопротивления. Шемяка после занятия Москвы послал изгоном Ивана Можайского к Троице-Сергиеву монастырю, где был великий князь. Для незаметного подхода к великокняжеским сторожам воины спрятались в возах – в результате великокняжеские воины были пленены. После этого заговорщики ворвались в монастырь и пленили Василия Темного. Весной-летом происходили столкновения со сторонниками Василия Темного. Фёдор Басенок, бежав из-

под стражи, собрал единомышленников, пограбил коломенские земли и ушёл в Литву. Шемяка послал против князей Ряполовских, отходящих к Белоозеру, отряд Василия Вепрева с Углича и отряд Фёдора Михайловича Шонура Козельского (они должны были соединиться). Ряполовские разбили Вепрева у устья Мологи, а затем пошли на второй отряд, который отступил за Волгу. Ряполовские по новгородской земле ушли в Литву.

Зимой 1446/47 г. Василий II взял после недельной осады Углич (Шемяка перед этим ушёл с Волока к Галичу). Этим и завершилась кампания 1447 г. (помимо тверской осады Ржевы). Кампания 1448 г. заключалась в том, что в конце зимы Василий Темный выступил против Шемяки, дошёл до Костромы, после чего начались переговоры и заключено перемирие (21 марта Василий Московский ушёл из Костромы). О «воевании» указаний нет. Кампания 1449 г. заключалась в том, что 13 апреля Шемяка подошёл к Костроме, но сопротивление гарнизона (Иван Васильевич Оболенский Стрига и Фёдор Басенок) преодолеть не смог; при приближении войска Василия Темного (с удельными князьями и царевичем) Шемяка пошёл на перемирие. Зимой 1449/50 г. Василий Темный с большим войском (в т. ч. татарский царевич) пошёл против Шемяки к Галичу. Сам великий князь к городу не подошёл, дав командование ратью большому воеводе Василию Ивановичу Оболенскому. 27 января 1450 г. Шемяка был разбит в сражении у города, которое переплеталось с обороной городских стен. Шемяка бежал в Новгород.

В 1454 г. Василий Темный двинулся на Можайск, после чего Иван Можайский бежал в Литву, а его владения были отобраны. О разорениях и боестолкновениях данных нет. В московской летописи событие помещено между смертью ростовского епископа 29 марта и московским пожаром 31 августа.

Характер кампаний в Династической войне был завязан на политических факторах, «правилах игры» в борьбе за княжеский престол. «Демонстративными» (без

¹⁶⁷Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 91, 93-94, 96-97, 99.

¹⁶⁸Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 422.

¹⁶⁹Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. С. 108-109, 111, 114, 116.

бое столкновений и опустошений) были кампании 1425, 1448, 1454 гг. Почти все кампании войны 1433-1436 гг. решались генеральными сражениями (но при этом успех мог отыграться последующими политическими процессами, как это было в 1433 и 1434 гг.). Только из генерального сражения состояли кампании весны и осени 1433 г. Генеральное сражение решило кампании 1434 и 1436 гг. Так же обе они отмечены осадами и взятиями города (Галич и Устюг) с опустошениями местности. В первом случае это была исключительно акция устрашения (без занятия города), которая по итогу больше сказалась отрицательно (нарушение «правил игры»), и больше такого масштаба опустошения в княжеской войне не производились. Кампания 1435 г. отличается разнообразием. Началась с генерального сражения, закончилась «стоянием», а заполнена была рейдовыми операциями (и захват «изгоном» города, и локальные «воевания»), и полевые столкновения).

Про все сражения можно сказать, что противники знали о приближении друг друга и готовились. Из всех сражений хоть какое-то описание есть у сражения у Скорятина и битвы под Галичем. В буквальном виде описание сражения у Скорятина: войско Василия Темного приготовилось атаковать, Василий Косой запросил перемирия, во время которого хотел внезапно атаковать, но был разбит контратакой. Это описание с большой долей вероятностью завуалировано с целью выставить в лучшем свете Василия Темного. С точки зрения «тактического зерна» можно увидеть практику внезапной атаки. В сражении под Галичем видим пример выбора оборонительной тактики (Шемякой), вызванной превосходством в коннице у противника. Войско Шемяки расположилось на горе и поддерживалось огнём с городских стен, но атаку великокняжеских войск сдержать не могло (то есть, с другой стороны, видим успешную практику штурма в полевом бою «крепкого места»).

После кампании 1446 г., кампании «политических рейдов», ключевыми моментами в войне с Шемякой были захваты городов. Кампания 1447 г. была представлена взятием Углича и Ржевы, кампания 1449 г. – безуспешной осадой Костромы и «стоянием»,

кампания 1450 г. – взятием Галича (со сражением под городом).

По итогу можно сказать, что Династическая война состояла из отдельных кампаний, каждая из которых решалась одной операцией («стояние», генеральное сражение, осада). Роль осад со временем возрастала. В ряде кампаний совершали рейдовые операции, решавшие разные задачи.

Новгородские и вятские войны 1450-1459 гг.

Нахождение Устюга и Вятки по разные стороны в войне 1435-1436 гг. имело продолжение. 2 июня 1438 г. вятчане сожгли Устюг¹⁷⁰. Затем конфликты вспыхивали вплоть до ликвидации Вятской боярской республики. Следует отметить, что в Устюжской летописи бывают смещения сообщений по годам, поэтому данное нападение могло быть и в другое время. В поздней Вычегодско-Вымской летописи (базировалась на Устюжской летописи) это событие также помещено под 1438 г., но, кроме как о нападении на Устюг, сказано «*волоости по Лузе и по Нижние Вычегды пожгли*».

Боевой характер Династической войны поменялся после ухода Шемяки в Новгород в 1450 г., в котором правил до своей смерти в 1453 г.

Согласно Устюжской летописи, 29 июня 1450 г. Шемяка с новгородско-двинской флотилией подошёл к Устюгу, который сдался без боя. Оттуда он «Вологду воевал»¹⁷¹. Вычегодско-Вымская летопись

¹⁷⁰ Устюжские и вологодские летописи. С. 87.

¹⁷¹ Там же. С. 88-89. Устюжская летопись обычно точно говорит о событиях, связанных с Устюгом. Но она московский поход на Устюг и Кокшенгу относит к 1453 г. вместо 1452 г. В Львовской летописи, где отражено ростовское летописание, краткое сообщение о походе на Кокшенгу помещено под 1453 г., а под 1452 г. сказано, что Иван Васильевич ходил воевать новгородское Заволочье; отсюда эта неточная датировка, видимо, и попала в Устюжскую летопись. Всё же есть основания сомневаться в точности датировки 1450 г., как это было в статье М. А. Несина (*Несин М. А. Поход Дмитрия Юрьевича Шемяки на Русский Север в 1450-х гг.* // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. Шестые Зиминские чтения: международная научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Александра

сообщает, что земли коми-зырян остались под властью великого князя, Шемяка призвал на помощь вятчан и вогулов; вятчане воевали земли коми-зырян в 1450 г., а вогулы – в 1455 г. Этот источник поздний, но последнее подтверждает послание вятчанам от митрополита (но там год неясен)¹⁷², второе – московское и ростовское летописание¹⁷³. Текстологическое сравнение сообщений о вятском набеге летописи и в послании не показывает их совпадение, то есть, составители Вычегодско-Вымской летописи имели свой источник. Во время набега вогулов был убит пермский епископ Петерим. День его памяти 19 августа, что уточняет время набега.

Кампания зимы 1452 г. известна по московскому и устюжскому летописанию¹⁷⁴. 6 января 1452 г. Василий Темный прибыл в Сергиев-Троицкий монастырь. Оттуда он пришёл в Ярославль. Из Ярославля направил своего сына Ивана на новгородскую волость Кокшенгу (на одноименной реке, бассейн р.

Вага). Затем Василий пошёл на Кострому, откуда отправил на помощь Ивану царевича Ягупа. Перед этим он отправил на Устюг, против Шемяки, удельного князя Василия Ярославича Боровского, воевод Семёна Ивановича Оболенского и Фёдора Басенка. Услышав, что Иван Васильевич находится в Галиче, Шемяка бежал на Двину, оставив в Устюге наместника. Воеводы пришли к Устюгу по р. Юг, не останавливаясь, отправились за ним в погоню. Иван Васильевич по р. Городишна дошёл от р. Сухона, а оттуда до Кокшенги, *«город Кокшенгской взял»*, *«землю ту всю плениша и в полон поведоша»*, а оттуда ушёл в Вологду. В это время воеводы дошли до устья Ваги, а оттуда пошли на Кокшенгу, *«и отоля возвратишася назад все здрави и со многым пленом и корыстью»*. В начале повествования Устюжской летописи отмечено, что Иван Васильевич приходил к Устюгу в Великий пост, то есть, события следует датировать периодом конца февраля – начале апреля.

Согласно новгородскому летописанию, в начале весны 1452 г. новгородцы с князем Александром Чарторыйским пошли на князя Ивана Можайского, *«много волостей великого князя воеваша и пожгоша, и полону много приведоша»*¹⁷⁵. Это должен был поход на Бежецкий Верх, который был передан Ивану Можайскому. Согласно Тверской летописи, 10 сентября 1452 г. Шемяка изгоном совершил нападение на Кашин, сжёг посад. Тверской князь послал воевод в погоню, но они его не настигли¹⁷⁶. Это известие противоречит данным новгородского летописания, что Шемяка прибыл с Двины только зимой. Либо Шемяка лично этот набег не возглавлял, либо в новгородской летописи ошибка с датировкой. Последний вариант согласуется с указанием Устюжской летописи, что во время зимнего похода великокняжеских войск Шемяка бежал с

Александровича Зимины, Москва, 7 апреля 2015 г.: доклады, статьи и воспоминания. М., 2017) . Но в устюжском рассказе уточняется, что пребывание Шемяки в Устюге было менее 2 лет, что соответствует периоду с июля 1450 г. по февраль-март 1452 г., когда Шемяка владел Устюгом. Согласно новгородскому летописанию (летописи Авраамки), Шемяка после падения Галича, 2 апреля 1449 г. (год проставлен ошибочно вместо 1450), прибыл в Новгород; 21 марта 1451 г. отбыл на Двину; зимой 1452/53 г. вернулся в Новгород с Двины. Где пребывал Шемяка с мая 1450 г. по февраль 1451 г. никаких указаний, кроме сообщения УЛ, нет. Семья Шемяки жила в Новгороде, что объективно характеризует его пребывание за пределами Новгорода периодическими. Поэтому датировку похода 1450 г. нельзя ни опровергнуть противоречиями с другими источниками, ни подтвердить.

¹⁷²Акты исторические. Т. 1. С. 490.

¹⁷³Львовская летопись. С. 263; Московский летописный свод конца XV в. С. 273.

¹⁷⁴Московская летопись умалчивает о войнах на севере в 1450-1451 гг., о захвате Шемякой Устюга и пр.; и в данном повествовании даются обтекаемые формулировки, которые подходят и под силовые действия Шемяки против Устюга зимой 1451/52 г., и под нахождение его там: *«идёт ко Устюгу»*, *«под Устюгом стоа, услышав, что идет рать на него, пожег посады устюжской и побеже»*. Следует заметить, что осаждавшие должны были сжечь посады в начале осады, а не по его окончанию. Посады жгли и при подготовке города к обороне.

¹⁷⁵Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 193.

¹⁷⁶Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью.. Стб. 495; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 128, 130.

Двины в Новгород (зима по старорусскому календарю заканчивалась 25 марта), то есть, предположительно, новгородская летопись сместила событие на год, как и в случае датировки приезда Шемяки с Галича в Новгород. В таком случае поход Чарторыйского следует датировать 1451 г. (в летописи отмечено, что тем же летом князь женился на Софьи, дочери Шемяки, когда сам Шемяка был в Заволочье).

В январе-феврале 1456 г. Василий Темный, к которому присоединились посланные казанским ханом Мамутеком татары, ходил на Новгород: изгонная рать, которую возглавляли Иван Васильевич Оболенский Стрига и Фёдор Васильевич Басенок, разграбила неукреплённую Русу, разбила подошедшее войско новгородцев; великий князь безуспешно осаждал Демьян, отдельным войском были взяты городки Мольвотицы (после 3-дневной осады, с помощью примёта) и Стерж¹⁷⁷.

Летом 1458 г. московское войско Семёна Ивановича Ряполовского безуспешно ходило на Вятку. Летом 1459 г. московским войском, которое возглавляли Иван Юрьевич Патрикеев, Иван Иванович Кошкин и Дмитрий Иванович Ряполовский, в Вятке были взяты города Орлов и Котельнич, а после активной осады Хлынова вятчане капитулировали¹⁷⁸. Согласно Устюжской летописи, устюжане участвовали в последнем походе (возможно, образовывали флотилию). Сохранилась духовная грамота суздальского землевладельца Есипа Окинова, которая 5 марта 1459 г. была дана на утверждения митрополиту. Составлена она была *«идучи на оспадареву службу великого князя на Вятку»*¹⁷⁹. Видимо, Е. Окинов в походе погиб, раз пришлось утверждать грамоту. Таким образом, для первого похода были собраны люди из далеких от Вятки земель.

В этих войнах уже ключевую роль играла борьба за города и глубокие набег

«воеванием». Сражение у Руссы было ярким эпизодом, имевшем большой психологический эффект (и в новгородском, и в московском летописании именно описанию этого сражения посвящено большая часть повествования о войне), непосредственно после поражения новгородцы пошли на переговоры. Но сопротивление новгородских крепостей со своей стороны ограничило результаты московской победы. Можно сказать, что без этой битвы, или даже при другом результате сражения, Москва всё равно осталась бы победителем (как это было и в прошлых войнах).

Ход этой битвы описан в новгородской и московской летописях. Однозначную реконструкцию битвы они не дают, но позволяют увидеть некоторые тактические моменты. К столкновению успели подготовиться обе стороны. Новгородская летопись вначале описывает успешную атаку на вышедших из Руссы москвичей и татар, которую новгородцы восприняли как победу в сражении. *«исплошишася новгородци, а того не видяху, что рать иная идет ис поля, полк моквич и татрове учаща стреляти кони у новгородце, и ударшиа на новгородчев и съзади и стороне и смутивши силу новгородскую»*. Московская повесть, написанная в высоком стиле, показала сражение в виде одной фазы. Её можно переложить в таком виде: москвичи получили сведение о подходе новгородцев, затем увидели их приближении, затем пошли на них с той стороны, где противников разделяли труднопреодолимые препятствия (плетень и сугробы); начали стрелять по новгородским коням; новгородцы, *«не знающи того боа»* (то есть, не заметили, как москвичи *«начаша стрелами бити по конех их»*¹⁸⁰), показаны ошарашенными от действий

¹⁷⁷Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Стб. 194-196; Московский летописный свод конца XV в. С. 274-275.

¹⁷⁸Ермолинская летопись. С. 156; Московский летописный свод конца XV в. С. 275-276.

¹⁷⁹Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964. С. 137-138.

¹⁸⁰При реконструкции этого сражения по Московскому своду эти слова фактически не разбирали. Их восприятию мешает современное значение «боя», как «тактика применения оружия». Но в старорусском языке для последнего использовали понятие «обычай», которое есть и в данной московской повести («обычай ратный»), а в последствии появился термин «строй». «Бой» имело значение либо «боевой контакт» (в т. ч. дистанционный, как в данной повести и было употреблено («бити») по отношению к стрельбе москвичей), либо «оружие» (позднее известные «копейный бой»,

москвичей; дальше показано уже бегство и преследование новгородцев. То есть, по обоим описаниям дело решилось внезапной атакой московского войска, начавшейся со стрельбы по коням. Таким образом, помимо прочего, данные описания говорят об активном применении московским войском луков, которые в некоторых эпизодах могли играть решающую роль. Спорным является вопрос о том, был ли этот манёвр заранее спланирован (завязка боя одной частью сил, скрытый обход другой или засада); либо воеводы расположенных в разных местах войск (расположенных до появления вести о приближении новгородцев) смогли так сориентироваться в возникшей ситуации; либо речь о возвращении отошедших сил (что тоже подразумевает «воеводы смогли сориентироваться»). Можно согласиться с мнением М. А. Несина, что по буквальному чтению новгородского повествования «новгородцы» погнались за убегающими москвичами по улицам города, а «иные» (часть новгородского войска) сошли с коней¹⁸¹; и именно эти «новгородцы» (основная часть войска, погнавшаяся через город) по выше приведённой цитате «исплошишася» и были разгромлены¹⁸². В

«огненный бой» и пр. во всех известных контекстах это только «тип вооружения»). То есть, эту фразу можно перевести либо «не знали такого оружие (боя) [как луки]», либо «не увидели того обстрела (боя). Первый вариант можно с ходу исключить, т. к. луки широко применялись как самими новгородцами (новгородская летопись стрелы ставит даже впереди в описании столкновения политических сторон в Новгороде в 1418 г.: «овы от стрелы, овы же от оружиа беша же мертви»), так и их постоянными противниками (причём, устюжане и югра луками вооружались поголовно).

¹⁸¹Они остались у места первой схватки (у Ильинской церкви на огородах); М. А. Несин напротив отмечает, что в источнике не сказано, что эти «иные» новгородские ратники остались у церкви и полагает, что они находились в числе «новгородцев», погнавшихся за противником по улицам и дворам. А обираемые «иными» новгородскими бойцами трупы новгородских врагов по мнению М. А. Несина скопились уже у непреодолимого на конях плетня, возле которого по сведениям московского летописания было разгромлено новгородское войско.

¹⁸²Тем более, что речь идет о стрельбе по коням, с которых «иные» новгородцы сошли, ставшие снимать

в таком случае вариантов случившегося становится меньше: часть московского войска, участвовавшая в первой схватке, бежала или отступала целенаправленно к месту, где находится другая часть войска (вариант, что именно туда и тогда подошли ранее отошедшие от города силы, возможен, но в небольшой степени вероятности). Но и тут возможны варианты – эта, вторая часть войска, изначально там и располагалась; первую часть войска отправили в бой, чтобы вторая могла успеть занять удобные позиции; в бой отправили ту часть войска, которая была в организованном виде под рукой, а когда она сражалась, то собрали распложенные в разных местах или даже отходившие от города отряды; воеводы успели до похода новгородцев организовать засаду. Обобщённо можно сказать, что московские воеводы были способны к решительным манёврам и быстро ориентироваться в боевой обстановке.

Характеристика военных действий.

За время Великой Тишины полностью сменилось поколение воинов. В условиях происходивших войн формировалась и развивалась московская военная система. Сложившаяся политическая практика конфликтов внутри великого княжества Владимирского, между великим князем и Новгородом, а также внутри соседних княжеств имела большое влияние на ход войн в изучаемый период, а окончательно изжита была только при Иване III.

Стратегическая практика. После Великой Тишины сразу произошли многолетние войны: война с Литвой и Тверью 1367-1372 гг., конфронтация с Литвой 1375-1382 гг., война с Мамаем 1373-1380 гг. К ним примыкают нашествие Тохтамыша, войны с Рязанью 1371, 1380 и

одежду и доспехи с павших неприятелей. Однако, этих бойцов, занятых сбором трофеев, иногда относят к числу «исплошившихся» новгородцев. При этом, наблюдениям М. А. Несина, обстрел новгородских коней имел важное значение для разгрома противника в конном сражении, и в этой связи по его мнению стрельба по коням тех спешившихся «иных» новгородских бойцов тоже имела смысл.

1382 гг. За 15-летний период (1368-1382 гг.) боевые столкновения для Москвы не отмечены за 5 лет (в 1369, 1373, 1374, 1379, 1381 гг.), в т. ч. в 1373 и 1379 гг. происходило выдвижение войск (а в 1374 г. нижегородцы перебили отряд мамаевцев при после). Воевать приходилось в основном на одном фронте. Хотя был период одновременного противостояния с Литвой и Мамаевой Ордой, но оба эти противника были активно отвлечены на другие направления, для Москвы кампании на разных направлениях происходили разновременно. Только летом 1375 г. была и Тверская кампания, и нападение мамаевцев на Запьянье (да ещё нападение ушкуйников на Нижний Новгород и Кострому). Также летом 1376 г. Дмитрий Московский стоял на Оке, ожидая нападения мамаевцев, а Владимир Серпуховской в это время осаждал Ржеву. А в 1380 г. в ходе Донской кампании была одновременная конфронтация с Мамаем, Ягайло Литовским и Олегом Рязанским, но одновременных столкновений не произошло. На одном фронте нападения были обычно на одном направлении. Исключение составляли одновременные нападения тверских войск на Дмитров и литовских войск на Переяславль в 1372 г. Московские наступления известны только на одном направлении.

Затем наступил 23-летний период (1383-1405 гг.), в котором можно отметить 3 боевые кампании, возглавляемые первыми лицами (1385, 1393, 1395/96), периферийные кампании, в которых в основном были задействованы Устюг и Вятка (1391, 1398, 1399 гг., лето 1401 г.), «спецоперация» в мордовской земле осенью 1401 г., 3 демонстративных кампании (1386/87, 1388, 1392 гг.) и выдвижение войск на Оке в 1395 г. Военные действия одновременно велись на одном направлении. Летом 1401 г. видим первый пример, когда московские силы провели одновременные операции на двух фронтах (набег на Двину, «спецоперация» в Торжке).

Следующая вспышка войн (1406-1411 гг.) не было такой долгой и масштабной. Опять случились продолжительные (3-летние) войны, Литовская 1406-1411 гг. и Нижегородская 1409-1411 гг., с ежегодными боевыми действиями, но и они представляли

отдельные кампании с ежегодными перерывами от 8 месяцев (даже с учётом произошедшей в июне 1408 г. войны в Рязанском княжестве). Противник уже не был отвлечён на другие направления. Основная часть кровопролития и опустошений в этот период пришёлся на поход Едигея. В Литовской войне военные действия (но не основные) происходили одновременно на двух направлениях: в 1406 г. московские войска наступать начали одновременно на Вязьму и на Серпейск; в 1406 и 1407 гг. литовский войска одновременно наступали в Верховских княжествах и совершали набеги на Можайском направлении.

Между январем 1411 г. и декабрём 1428 г. (почти за 19 лет), помимо демонстративных походов (1415, 1425 гг.), боевые действия ограничивались северными землями (1417, 1418, 1425 гг.), в которых в основном были задействованы устюжане и вятчане. Затем, после мирных 1430 и 1432 гг., с 1433 по 1459 гг. пришёлся период сплошных многолетних войн: Династическая война 1433-1436 гг., война с Улу-Мухаммедом 1437-1445 гг., Династическая война 1446-1454 гг., продолжением которой были войны по возвращению под московскую власть Новгорода (1456 г.) и Вятки (1458-1459 гг.); война с Ордой Сеид-Ахмеда 1449-1459 гг. К ним примыкали Новгородская война 1441 г., Династическая война 1442 г., московско-литовская война 1444-1445 гг., новгородско-тверская война 1443-1445 гг., литовско-тверской конфликт 1448 г., вятский набег на Устюг 1438 г., казанские набеги (1446, 1447, около 1453 г.), вогульский набег на Пермь Вычегодскую 1455 г. Можно говорить о практически ежегодных боевых действиях (только под 1457 г. нет никаких данных о боевых столкновениях).

Династические войны 1433-1436 и 1442 гг. по политическим причинам представляла собой отдельные непродолжительные кампании (не связанные последовательными стратегическими действиями). Первая часть войны с Улу-Мухаммедом (1437-1443 гг.) представляли собой разрозненные кампании, обусловленные политической обстановкой в Орде. Война с Шемякой 1447-1453 гг., Можайская кампания 1454 г., Новгородская

война 1456 г., Вятские кампании 1458 и 1459 гг. уже представляли собой последовательные стратегические наступательные кампании. Сеидахмедова война представляла последовательные оборонительные кампании (оборона Берега).

Затем постепенно вошло в норму одновременное действие на двух фронтах. Новгородская война 1441 г. представляла собой одновременное московское наступление на новгородском направлении и новгородское наступление в северных землях. Зимой 1444/45 гг. одновременно воевали с Литвой и Улу-Мухаммедом. Зимой 1447/48 гг. приходилось выдвигать силы и против Мамутяка, и против Шемяки (да ещё было литовское нападение на Ржев). В Сеидахмедовой войне каждое лето войска были задействованы на Берегу. Кампании 1450, 1452, 1456 гг. против Шемяки и Новгорода происходили в зимнее время, в начале весны 1452 г. происходил набег новгородцев. Так же в 1450-1455 гг. была опасность набегов на северные земли (набег Шемяки на Устюг и Вологду летом 1450 г., набег вятчан на зырян в 1451 г., набег новгородцев на Бежецкий Верх в начале весны 1451 или 1452 г., набег казанцев на Галич, набег вогуличей на зырян летом 1455 г.). Весной или летом происходили: поход Василия Московского на Можайск в 1454 г., походы на Вятку в 1458 и 1459 гг.

Появилась практика действовать на одном фронте на двух направлениях. Наступление сторон в Литовской войне происходило на двух соседних направлениях (Верховские княжества и линия Вязьма-Можайск). В 1452 г. одновременно наступали Иван Васильевич на Кокшенгу и воеводы по Двине.

Начиная с Московского похода Ольгерда, остро стояла проблема успеть мобилизовать достаточно большое количество войск в случае крупного вражеского вторжения. Системно это так долго и не решило. Ещё в 1445 г. спешно собранное войско оказалось разгромленным, и великий князь попал в плен. В итоге нашли возможность собирать войска на несколько месяцев, которые прикрывали границы. Уже

в продолжении зимы-весны 1447/48 г. мы видим расположение войск у Владимира во главе с Иваном Васильевичем, которые прикрывали казанскую границу. В 1450-е гг. утвердилась практика сосредоточение на Берегу большого количества войск, собранных с обширных территорий.

Таким образом, к началу правления Ивана III наметилась та стратегическая практика, которая характеризует его эпоху: продолжительные войны или серии войн, состоящие из стратегически последовательных кампаний; война на два и более фронта; наступление на одном фронте на 2-3 направлениях, продолжительное расположения войск для прикрытия границы.

Сражения. В рассматриваемый период было много сражений, которые решали кампанию. Но большинство (9) из них относилось к борьбе за престолы Московский (на Клязьме и на Куси 1435 г., на Которосли 1435 г., на у Скорятина 1436 г., под Галичем 1450 г.), Рязанский (на Скорнице 1371 г., под Перевицким 1385 г., на р. Смявда 1408 г.) и Нижегородский (Лысково 1411 г.). Происходили они в разное время года.

Сопоставимое число генеральных сражений (6-7) было в войнах с ордынцами. Прежде всего, это «перехват» (выдвижение и встреча на ожидаемом маршруте) идущих в набег войск (в летний период): сражение на Воже 1378 г., на Куликовом поле 1380 г., под Суздаlem 1445 г., на р. Битюг в 1450 г. (про последние нельзя однозначно сказать, было ли это решительное сражение, или серия стычек, после которых противники разошлись). В плане последствий «генерального сражения» очень показательна Суздальская битва, грандиозный политический успех в которой для татар был за небольшой промежуток времени нивелирован политическими процессами¹⁸³. Битва под Белёвым 1437 г. и под Рязанью 1443 г. являлись специфическими кампаниями против ордынцев, вынужденных искать зимовку в русских городах (они имели

¹⁸³Несин М. А. Казанский хан Махмуд и Василий П. // Global-Turk. . № 1-2. 2017 С. 134-136.

определённый политический фон, связанный с традициями отношений пограничных русских земель с татарскими правителями, в рамках которых и происходила «зимовка»). Результаты этих сражений с ордынцами были переменными. Сражение на Пьяне было «перехватом» русского войска, которое шло в ордынские владения (и по форме это не «правильное» сражение, а разгром на марше).

Помимо этого, нам известны такие сражения, как битва на Тросне 1368 г., Суходревская битва 1445 г., битва у Старой Русы 1456 г. То есть, всего три сражения на большое количество войн с Литвой, Тверью и Новгородом. И это были не генеральные сражения, а попытки действовать против наиболее активной в набегах группировки из армии вторжения.

Стратегический и тактический паритет при столкновении главных сил между Москвой и Литвой выразился в том, что с 1372 г. при встрече главных сил происходило «стояние», а не сражение.

Описания хода сражений очень скудные. Можно только отметить атакующую тактику, от которой отходили только в специфических обстоятельствах (рать Шемяки под Галичем в 1450 г.). В боевом порядке известны «сторожевой полк» (авангард) и крылья. В сражении под Костромой в 1375 г. новгородские ушкуйники частью сил совершили специально задуманный скрытный обходной манёвр. Нет прямых описаний использования такого приёма московским войском, хотя с существенной долей вероятности его можно увидеть в новгородском описании битвы при Русе 1456 г. (либо это были незапланированное ситуативное действие, но исполненное московскими воеводами, как внезапная атака с тыла и флангов).

Поскольку очень мало описаний хода сражений XIV-XV вв., то сложно говорить об эволюции тактики. Уход в прошлое войн за престол убрал одну из основных причин использования стратегии генерального сражения. Развитие обороны Берега (которая получила тактическую практику только в 1450-е гг.) сделал необязательной рискованной стратегию защиты от наступления татар с Поля путём крупного

сражения (рискованной ввиду опасности полного разгрома в ходе манёвренного боя).

Набеги. Московские владения подвергались продолжительным массированным глубоким вторжениям Ольгерда 1368 и 1370 гг., Тохтамыша 1382 г., Едигея в 1408 г., Улу-Мухаммеда в 1439 г. В их описании не видно практика действий против загонов, но это не значит, что она тогда совсем не осуществлялась. На примере действий нижегородцев против татар в 1367 г. и волочан против тверичей в 1370 г. видно, что такая практика была уже сразу после Великой Тишины. Практика активного действия против мобильного противника видна на примере описания литовского набега на московском направлении в 1407 г., при татарском набеге 1428/29 г., при литовском вторжении и при набегах татар на Муром зимой 1444/45 гг., при прорыве ордынцев через Оку в 1449, 1454 и 1455 гг. Также, помимо набегов новгородцев, вятчан и вогулов на северные земли, в московские владения осуществляли вторжения тверские войска в 1371-1372 г., в 1406 литва совершила набег по направлению к Можайску.

Имеющиеся описание опустошительных походов московских войск на Тверское княжество в 1370-1371 и 1375 гг., новгородские земли в 1393, 1441 гг., на Рязанское княжество в 1382 г., на Булгарию в 1377, 1395/96, 1431 гг., на мордву в 1377/78 г. создают картину вторжения превосходящих сил. Но за кратким описанием могли и не раскрыться набеговые действия. Так набег изгонной рати на Старую Руссу в 1456 г. известен в контексте случившегося сражения. Об умении осуществлять внезапные рейды говорит пример совершённых в 1401 г. двух «спецопераций», завершившихся захватом новгородских бояр в Торжке и семьи нижегородского князя в мордовской земле. Рейдовые действия в Династической войне описаны под 1435 и 1446 гг.

По имеющимся описаниям сложно показать развитие навыков московского войска по осуществлению рейдов и противодействию им. В 1440-50-е гг. эти действия стали постоянным явлением, что было ещё более характерно для эпохи Ивана III.

Осады. Актуальность осадных операций (с боевым воздействием на обороняющихся) возникла во время походов на литовскую Ржеву (взятия 1358 и 1368 гг., 3-недельная осада 1376 г.), походов на Тверское княжество (взятие Зубцова 6 дней в 1370 г., взятие Микулина и принуждение к капитуляции Твери после 4-недельной осады в 1375 г.), также, видимо, в походе на Верховские княжества в 1370 г. Тверская осада была крупнейшей за XIV – первую половину XV вв.

Однако потом актуальность осад снизилась. В походах на Булгарию (1377, 1395/96, 1431 гг.) приходилось сталкиваться с местными крепостями. В ордынских городах укреплений не строили, поэтому в болгарских городах крепостная система только возрождалась, хотя уже была снабжена огнестрельной артиллерией. При этом русские войска действовали на растянутых коммуникациях, зимой, то есть, без снабжения по рекам. Болгар в 1377 г. капитулировал после сражения под городом. О способах «взятия» городов в следующих походах не говорится. Так же за период между 1376 и 1434 гг. осадные операции были актуальны для московско-литовской войны 1406-1407 гг., когда дважды намечалась осада Вязьмы. Тогда «взяли» только Дмитровец.

Описание осады Галича зимой 1434 г. создаёт картину взятия города без продолжительной осады. Но с этого времени значение осад стало возрастать. Василий Косой зимой 1436 г. заставил капитулировать Устюг после 9 недель осады. Углич зимой 1447 г. взяли за неделю. Галич в январе 1450 г. капитулировал после сражения под городом. В апреле 1449 г. Шемяка не смог взять Кострому. С попытки взять Демон зимой 1441 г. впервые в войнах с Новгородом появилась задача осадой захватывать крепости. Демон не пал и в 1456 г., а удалось захватить только крепости Мольвица после 3 дней осады и Стерж. После неудачи в 1458 г. удалось в 1459 г. «взять» или принудить к капитуляции крепости на Вятке.

Редко описываются приёмы осады. В изложении осады Твери 1375 г. есть описания

инженерных работ: туры (передвижные сооружения), примет (бревна, хворост и пр. для поджога стен и заваливание рвов) и «острога (контрвзвешивающая линия из частокола, надолб и пр.), но нет упоминание артиллерии (метательной). Однако нет там и описание стрельбы из луков. Поэтому следует учитывать специфику летописных повестей. Так в повести о смоленской осаде Мстиславля в 1386 г. только в одном варианте (в составе «летописца великих князей литовских») говорится о метательных орудиях, пороках. Строго говоря, до 1480-х гг. есть упоминание только московской крепостной артиллерии. В описании осады Углича 1447 г. тверская летопись говорит о тверских пушках. В Повести о нашествии Едигея говорится о тверской осадной артиллерии, который Едигей хотел использовать для осады Москвы. Но это не значит, что метательную, а затем и огнестрельную артиллерию совсем не использовали при осадах – в описаниях почти нет подробностей. В московском описании Новгородской осады 1477/78 г. говорится только о псковской осадной артиллерии, но в данном случае могли посчитать оптимальным доставить более близкую псковскую артиллерию. Показательно, что в этом походе не упоминалась и тверская артиллерия (Тверь находится вдвое дальше от Новгорода, чем Псков). По итогу, хотя прямых указаний нет, нет оснований считать, что московские войска в данный период не использовали осадную артиллерию, тем более в продолжительных (от нескольких дней) осадах.

В данных период нет указаний, чтобы московские войска пытались брать крепости штурмами, если сразу («изгоном») не удавалось ворваться за стены. Известные примеры показывают либо капитуляцию города, либо поджог с помощью примёта (Мольвотицы в 1456 г.). Для сравнения, в новгородском и псковском летописании, когда говорится о своих потерях во время осад, то называются только потери от стрел. При Иване III первый известный штурм крепости русским войском относится к осаде Выборга в 1495 г.

Оборона крепостей. Нападения на московские города изгоном были ещё в Великую Тишину (нападение новгородской флотилии на Устюжну в 1340 г. нападение литвы на Можайск в 1341 г., нападение рязанцев на Лопасню в 1353 г.). Потом изгоном литва брала Переяславль в 1372 г., рязанцы – Коломну в 1385 г., ордынцы Нижний Новгород в 1377 и 1378 гг., Владимир, Стародуб, Муром в 1410 г.

В 1368-1372 гг. московские города подвергались осадами литовско-тверских (Москва в 1368 г., Москва и Волок в 1370 г., Кашин в 1372 г.) и тверских (Молога, Углич, Бежецкий Верх, Кистьма в 1371 г., Дмитров в 1372 г.) войск. Только Москва и Волок не пали. Новгородцы в 1393 г. «взяли» Кличен и Устюжну, в 1398 г. – взяли откуп с Белозерского городка, сожгли Устюг. Во время похода Тохтамыша были «взяты грады» Москва, Серпухов, Переяславль, Коломна. В 1395 г. за 3 дня осады капитулировал Нижний Новгород. Во время похода Едигея были сожжены «грады» Коломна, Серпухов, Переяславль, Ростов, Дмитров, Нижний Новгород, Городец, Курмыш, Сара. Осады не были продолжительными, даже Москву Ольгерд осаждал только 3 и 8 дней, а Тохтамыш – 3 дня. Таким образом, в период 1372-1410 гг. надёжную способность к обороне показывала только Москва, а также Волок.

Положение постепенно менялось. Встречались взятием изгоном периферийных крепостей (Устюга вятчанами в 1438 г., Ржевы литовей в 1448 г.), но такое случалось и при Иване III (взятие шведами Ивангород в 1496 г.). После 1341 г. литва не пыталась наступать через Можайск, а после 1372 г. не пыталась нападать на московские города, кроме Козельска (в 1406 г. капитулировал, а в 1445 г. выдержал недельную осаду). В 1429 г. нападение царевича выдержал Галич. В описании похода Улу-Мухаммеда 1439 г. уже не говорится о «взятии градов». Зимой 1444/45 г. Улу-Мухаммед занял Нижегородский уезд, но великокняжеские воеводы выдержали нападение хана на Муром и полгода сидели в осаде в новой Нижегородской крепости. «Взять» ханские войска смогли только неукреплённый Лух. Устюг в 1446 г. выдержал нападение

казанцев. Во время Династической войны великокняжеские воеводы 9 недель сидели в осаде в Устюге в 1436 г., а в 1449 г. выдержали осаду в Костроме. Правда, это всё осады во время набегов, без основательных осадных работ. Но видим получения опыта сидения в осаде более 10 дней.

Помимо указаний на стрельбу со стен, почти нет описаний способов обороны. Только при описании осады Твери говорится об вылазках, в результате которых были сожжены осадные сооружения.

При описании обороны Москвы в 1382 г. говорится о пушках, тюфяках, самострелах, при обороне Ржевы в 1447 г. называются пушки и пращи (пороки), в описании обороны Галича 1450 г. называются пушки, пищали, тюфяки, самострелы. При этом ещё в описании обороны Алексина в 1472 г. отмечается, что там не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов. то есть, можно говорить, что к середине XV в. артиллерия была нормой только в крупных центрах. Её распространение сделало возможным успешную оборону даже небольших крепостей (после сожжения Алексина «взятие» татарами крепости Русского государства были редким исключением).

Флот. Хотя жители бассейна Верхней Волги активно использовали речные суда, военная практика речных флотилий поле Булгарского похода 1220 г. была забыта. Набеги новгородских ушкуйников по Волге в 1360-1375 гг. были прекращены путём давления на Новгород. Военные флотилии были актуальны в войнах в северных землях, где новгородские флотилии чувствовали себя уверенно с 1340 г. и до 1470-х гг. Там, а также в отдельных походах на Булгарию (1391, 1409 гг.) использовались флотилии из устюжан, вятчан, двинян. Походы московских войск в район Двины, Вологды и Устюга известны только зимой (1338, 1435, 1436, 1452 гг.).

Из описания Устюжской летописью эпизод кампании весны 1436 г. показывает, что в ходе Династической войны 1433-1436 гг. по Волге активно действовали вятчане, против которых поволжским городам пришлось снаряжать свои флотилии. Эффективно они тогда не показали, но в итоге возродился военный флот Залесской

Руси. В 1460-е гг. флотилии, действующие на Уральском направлении и в набегах по р. Каме, состояли в основном из устюжан и вятчан, но они также дополнялись детьми боярскими из других городов. С 1469 г. в походах на Казань большая часть войск была представлена флотом. Это позволяло действовать в тёплое время года, обеспечивать коммуникации при продолжительной осаде Казани.

Заключение.

В 1368 г. московский князь был главой великого княжества Владимирского, ему принадлежала Ржевская земля, вассалами были Тарусское и Муромское княжества. В 1462 г. владения московского князя, включая вассальных Тверского, Ярославского и Ростовского княжеств, немногим превосходили эту территорию (добавилась Вятка, мордовские земли Нижнего Новгорода, ряд бывших северных новгородских владений, ряд рязанских волостей, Мещера). Но политические изменения на этой территории были кардинальными. Они, как и внешнеполитические изменения (прежде всего, в Литве и Орде) и определили новые военные задачи и военные возможности, которые в свою очередь определили характер войн при Иване III.

В рассматриваемый период расширение московских владений осуществлялось в основном путём политических акций (в ряде случаев с демонстративным давлением). Относительно эпохи Ивана III войны были не такими частыми и интенсивными, до 1430-х гг. обычным явлением были длительные мирные перерывы. Большое значение, особенно в войнах внутри великого княжества Владимирского, имели «политические

правила игры», обусловленные традициями борьбы за княжеские столы. Однако нарабатываемая тогда тактическая и стратегическая практика развилась в военное дело Русского государства.

При Иване III военная необходимость заставила существенно расширять возможности военной системы. Пришлось резко развить осадное дело и огнестрельное вооружение (при привлечении иностранных специалистов), возродить военный речной флот верхневолжских городов для походов на Казанское ханство. Приспособились вести войны с ливонцами и шведами. Впервые московские войска ходили на Новгород летом.

Но в целом войны данного времени давали довольно широкий спектр опыта. Даже в период Великой Тишины нарабатывалась практика передвижения рати на сотни км, в т. ч. до 200-300 км по территории противника (до Новгорода, Смоленска, Стародуба Северского, Болгара). Чаще они происходили зимой (такие дальние летние походы, как поход на Верховские княжества 1370 г. и Донская кампания 1380 г., были на юг от Москвы). Проблема своевременного сбора войск при вторжении противника стояла весь данный период. В итоге сформировались базовые схемы обороны Берега и обороны казанской Украины. Нарбатывалась практика рейдовых и мобильных противорейдовых действий. Данная эпоха отмечена значительным количеством крупных полевых столкновений, происходивших в разное время года и на разной местности (с русскими войсками других земель и татарами, с переменными успехами). Можно сказать, что даже тяжёлые неудачи и возникающие сложности в войнах данного периода в итоге дали развитию русского военного дела.

Библиография

Источники:

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964.

Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841.

- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950.
- Живая вода Непрядвы: Битва на Куликовом поле в свидетельствах современников и памяти потомков / А. И. Плизунов. М., 1988.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
- Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928.
- ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Петроград, 1915.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925.
- ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901.
- ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863.
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград, 1922.
- ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.
- ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. 32. М., 1975.
- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи. Л., 1982.
- Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.
- Литература:**
- Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. М., 2009.
- Беспалов Р. А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437-1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012.
- Беспалов Р. А.* Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I. // Средневековая Русь. Вып. 12. 2016. М., 2016.
- Беспалов Р. А.* Московско-литовский конфликт зимы 1444–1445 годов: метаморфозы летописного текста // Очерки феодальной России. Вып. 20. М.-СПб., 2017.
- Бузденков Д. Е.* К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. III. 2017.
- Варваровский Ю. Е.* Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.
- Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2005.
- Горский А. А.* От земель к великим княжениям. "Примыслы" русских князей второй половины XIII-XV в. М., 2010.
- Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004.
- Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

Комаров О. В. Казаки: многообразие социального явления XV-XVII вв. // Valla. № 3 (5). 2017.

Комаров О. В. Татарские походы на Рязанское княжество и Никоновская летопись. // Novogardia. № 4(8). 2020.

Коняевская Е. Л. Завещание великой княгини Софьи Витовтовны. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019.

Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. № 6. 1984.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.

Лаверентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011.

Мусихин А. Л. Существовала ли вятская летопись XV века? (К вопросу об атрибуции летописного известия 1374 г. о набеге ушкуйников на Вятку) // Герценка: Вятские записки. Вып. 4. Киров, 2003.

Мусихин А. Л. Загадки Анфала Никитина. // Герценка: Вятские записки. Вып. 20. Киров, 2011.

Несин М. А. Казанский хан Махмуд и Василий II. // Global-Turk. № 1-2. 2017.

Несин М.А. Новгородские житыи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV-XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. VIII. 2016.

Несин М. А. Поход Дмитрия Юрьевича Шемяки на Русский Север в 1450-х гг. // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. Шестые Зиминские чтения: международная научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения Александра Александровича Зимина, Москва, 7 апреля 2015 г.: доклады, статьи и воспоминания. М., 2017.

Несин М.А. К истории битвы под Суздалем 1445 г., сражения под Русой 1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д.Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») // История военного дела: исследования и источники. Т. X. 2018.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950.

Семенченко Г. В. Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1997.

Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV - первая половина XVI в. Тула, 2016.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430-1460) // Славяне и их соседи. Вып.10: Славяне и кочевой мир. М., 2001.

Сведения об авторе

Комаров Олег Владимирович, участник Проблемного совета при Государственном историческом музее, г. г. Москва (Россия). Область научных интересов: русская военная история XI–XVI вв.

E-mai: oleggg888@yandex.ru

O. V. Komarov

FROM THE GREAT SILENCE TO THE SHAMYAKIN TURMOIL. MILITARY PRACTICE OF MOSCOW RUSSIA

Annotation. The article examines the military system of Moscow Russia on the basis of the analysis of the preserved information about the military operations in which the Moscow Principality participated from 1329 to 1459.

Keywords: wars of Moscow Russia, Great Silence, Dynastic war, military affairs, traditions of war.

References

Sources:

Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v. [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia of the end of the XIV – beginning of the XVI century]. Vol. 2. Moscow, 1958. (In Russian).

Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV – nachala XVI v. [Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia of the end of the XIV – beginning of the XVI century]. Vol. 3. Moscow, 1964. (In Russian).

Akty Istoricheskiye [Historical Acts]. Vol. 1. St. Petersburg, 1841. (In Russian).

Biblioteka literatura Drevnoi Rus [Library of Literature of Ancient Rus]. Vol. 7. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazej XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

Zhivaya voda Nepryadvy: Bitva na Kulikovom pole v svidel'stvah sovremennikov i pamyati potomkov. [The living water of Nepryadva: The Battle on the Kulikovo field in the testimonies of contemporaries and the memory of descendants] / A. I. Plizunov. Moscow, 1988. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [The first Novgorod chronicle of the older and younger versions]. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

Pskovskie letopisi [Pskov chronicles. Issue] 2. Moscow, 1955. (In Russian).

PSRL. Vol. 1. Lavrent'yevskaya letopis'. Leningrad, 1926–1928. (In Russian).

PSRL. Vol. 4. Novgorodskie i pskovskie letopisi. St. Petersburg, 1848. (In Russian).

PSRL. Vol. 4. Part. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis. Issue 1. Petrograd, 1915. (In Russian)

PSRL. Vol. 4. Part 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Iss. 2. Leningrad, 1925. (In Russian).

PSRL. Vol. 6. Part 1. Sofia First Chronicle of the Elder izvoda. Moscow, 2000. (In Russian)

PSRL. Vol. 10. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 11. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 12. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 15. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Tverskoyu letopis'yu. St. Petersburg, 1863. (In Russian).

PSRL. Vol. 15. Iss. 1. Rogozhskij letopisets. Petrograd, 1922. (In Russian).

PSRL. Vol. 16. Letopisny sbornik, imenuemyy letopisyu Avraamki. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 18. Simeonovskaya letopis'. Moscow, 2007. (In Russian).

PSRL. Vol. 20. Part 1. L'vovskaya letopis'. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

PSRL. Vol. 23. Ermolinskaya letopis. Moscow, 2004. (In Russian)

PSRL. Vol. 24. Tipografskaya letopis'. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 25. Moskovskij letopisnyj svod kontsa XV v. Moscow, 2004. (In Russian).

PSRL. Vol. 27. Nikanorovskaya chronicle. Abridged chronicle vaults of the end of the XV century. Moscow, 2004. (In Russian).

PSRL. Vol. 32. Moscow, 1975. (In Russian).

PSRL. Vol. 37. Ustyuzhskiy i vologodskiy letopisi. Leningrad, 1982. (In Russian)

Russian Historical Library. Vol. 6. St. Petersburg, 1880. (In Russian)

Researches:

Alekseev Y. G. Pohody russkikh vojsk pri Ivane III. [Campaigns of Russian troops under Ivan III]. Moscow, 2009. (In Russian).

Bespalov R. A. Khan Ulu-Mukhammed i gosudarstva Vostochnoj Yevropy: ot Belyova do Kazani (1437–1445) [Khan Ulu-Muhammad and the states of Eastern Europe: from Belev to Kazan (1437–1445)]. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statej. Iss. 5. Kazan', 2012. (In Russian).

Bespalov R. A. Litovsko-moskovskiye otnosheniya 1392–1408 godov v svyazi so smolenskoj, chernigovskoj i ryazanskoj politikoj Vitovta i Vasiliya I [Lithuanian-Moscow relations of 1392–1408 in connection with the Smolensk, Chernihiv and Ryazan policies of Vytautas and Vasily I] // Srednevekovaya Rus'. Iss. 12, 2016. Moscow, 2016. (In Russian).

Bespalov R. A. Moskovsko-litovskij konflikt zimy 1444–1445 godov: metamorfozy letopisnogo teksta/ [The Moscow-Lithuanian conflict of the winter of 1444-1445: metamorphoses of the chronicle text]. // Ocherki feodal'noj Rossii. Issue 20. Moscow-St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Buzdenkov D.E. K voprosu ob orientalizacii moskovskogo vojska na osnove letopisnyh izvestij o moskovsko-novgorodskih boyah pod Rusoj v 1456 g. i na Sheloni v 1471 g. (Otzyv na stat'i SHindlera O.V., Bykova A.V., Nesina M.A., Komarova O.V., opublikovannye v special'nom vypuske № 5 «Stoyanie na reke Ugre 1480-2015») [On the question of the orientalizing of the Moscow army on the basis of the chronicle news about the Moscow-Novgorod battles near Rusa in 1456 and on Shelon in 1471 (Review of the articles by Schindler O. V., Bykov A.V., Nesin M. A., Komarov O. V., published in the special issue No. 5 "Standing on the Ugra River 1480-2015")] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki.. Special'nyj vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480-2015. Issue. III. 2017. (In Russian).

Varvarovskiy Y. E. Ulus Dzhuchi v 60–70-e gody XIV veka/ [Ulus of Jochi in the 60-70s of the XIV century]. Kazan, 2008. (In Russian).

Gorskij A. A. Moskovskiye «primysly» kontsa XIII–XV v. vne Severo-Vostochnoy Rusi. [Moscow “primysly” of the end of the XIII–XV century outside of North-Eastern Russia] // Srednevekovaya Rus'. Iss. 5. Moscow, 2004. (In Russian).

Gorskij A. A. Ot zemel' k velikim knyazheniyam. "Primysly" russkikh knyazej vtoroj poloviny XIII-XV v. [From the lands to the Great Principalities. "Primysly" of the Russian princes of the second half of the XIII-XV centuries]. Moscow, 2010. (In Russian).

Gorskij A. A. Sud'by Nizhegorodskogo i Suzdal'skogo knyazhestv v konce XIV — seredine XV v. [The fate of the Nizhny Novgorod and Suzdal principalities at the end of the XIV — middle of the XV century]. // Srednevekovaya Rus'. Iss. 4. Moscow, 2004. (In Russian).

Yegorov V. L. Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy v XIII—XIV vv. [Historical geography of the Golden Horde in the XIII-XIV centuries]. Moscow, 1985. (In Russian).

Komarov O. V. Kazaki – mnogoobraziye sotsial'nogo yavleniya XV–XVI vv. [Cossacks – the diversity of social phenomena of the XV–XVI centuries]. Valla. No. 3 (5). 2017. (In Russian).

Komarov O. V. Tatarskie pohody na Ryazanskoe knyazhestvo i Nikonovskaya letopis'. [Tatar campaigns on the Ryazan Principality and the Nikon Chronicle]. // Novogardia. No. 4 (8).2020. (In Russian).

Konyavskaya E. L. Zaveshchanie velikoj knyagini Sof'i Vitovtovny. [The testament of the Grand Duchess Sofya Vitovtovna]. // /Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Issue 6. Moscow, 2019. (In Russian).

Kuchkin V. A. K izucheniyu processa tsentralizatsii v Vostochnoy Evropey (Rzheva i ee volost v XIV—XV vv.) [On the study of the centralization process in Eastern Europe (Rzheva and its volosts in the XIV-XV centuries)].// Istoriya SSSR.№ 6. 1984. (In Russian).

Kuchkin V. A. Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-vostochnoj Rusi v X-XIV vv. [Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the X-XIV centuries]. Moscow, 1984. (In Russian).

Lavrentiev A. V. Posle Kulikovskoj bitvy. Ocherki istorii Oksko-Donskogo regiona v poslednej chetverti XIV – pervoj chetverti XVI vv. [After the Battle of Kulikovo. Essays on the history of the Oka-

Don region in the last quarter of the XIV – first quarter of the XVI centuries]. Moscow, 2011. (In Russian).

Musikhin A. L. Sushchestvovala li vyatskaya letopis' XV veka? (K voprosu ob atribucii letopisnogo izvestiya 1374 g. o nabege ushkujnikov na Vyatku) [Did the Vyatka chronicle of the XV century exist? (To the question of attribution of the chronicle news of 1374 about the Ushkuynik raid on Vyatka)] // Gercenka: Vyatskie zapiski. Issue 4. Kirov, 2003. (In Russian)

Musikhin A. L. Zagadki Anfala Nikitina [Riddles of Anfal Nikitin]. // Gercenka: Vyatskie zapiski. Issue 20. Kirov, 2011. (In Russian).

Nesin M. A. Kazanskij han Mahmud i Vasilij II. [Kazan Khan Mahmud and Basil II]//Global-Turk. № 1-2. 2017. (In Russian).

Nesin M. A. Novgorodskie zhit'i lyudi v XV v. i ih uchastie v vojnah i vneshnej politike Velikogo Novgoroda v XV v. Part. 1. Ot rubezha XIV-XV vv. do vtoroj poloviny 1471 g. [Novgorod people in the XV century and their participation in the wars and foreign policy of Veliky Novgorod in the XV century. Part 1. From the turn of the XIV-XV centuries to the second half of 1471] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VIII. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Pohod Dmitriya Yur'evicha Shemyaki na Russkij Sever v 1450-h gg. [Dmitry Yuryevich Shemyaki's campaign to the Russian North in the 1450s.] // Tvorcheskoe nasledie A.A. Zimina i sovremennaya rossijskaya istoriografiya. SHestyje Ziminskie chteniya: mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 95-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Aleksandrovicha Zimina, Moskva, 7 aprelya 2015 g.: doklady, stat'i i vospominaniya. M., 2017. (In Russian).

Nesin M. A. K istorii bitvy pod Suzdalem 1445 g., srazheniya pod Rusoj 1456 g. i SHelonskoj bitvy 1471 g. Otvet na zamechaniya D.E. Buzdenkova, izlozhennye v stat'e «K voprosu ob orientalizacii moskovskogo vojska na osnove letopisnyh izvestij o moskovsko-novgorodskih boyah pod Rusoj v 1456 g. i na SHeloni v 1471 g. (Otzyv na stat'i Shindlera O.V., Bykova A.V., Nesina M.A., Komarova O.V., opublikovannye v special'nom vypuske № 5 «Stoyanie na reke Ugre 1480-2015»)» [To the history of the Battle of Suzdal in 1445, the Battle of Rusa in 1456 and the Battle of Shelon in 1471. Answer to the comments of D. E. Buzdenkov, set out in the article "On the question of the orientalizing of the Moscow army on the basis of chronicle news about the Moscow-Novgorod battles near Rus in 1456 and on Shelon in 1471 (Review of the articles by O. V. Schindler, A.V. Bykov, M. A. Nesin, O. V. Komarov, published in special issue No. 5 "Standing on the Ugra River 1480-2015»)"] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. T. X. 2018. (In Russian).

Priselkov M. D. Troickaya letopis'. Rekonstrukciya teksta. [Trinity Chronicle. Reconstruction of the text]. Moscow, 1950. (In Russian).

Semenchenko G. V. Moskovsko-tverskoj dogovor vtoroj poloviny 30-h godov XV veka [Moscow-Tver treaty of the second half of the 30s of the XV century] // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.). Moscow, 1997. (In Russian)

Temushev V. N. Na vostochnoj granice Velikogo knyazhestva Litovskogo. Seredina XIV - pervaya polovina XVI v. [On the eastern border of the Grand Duchy of Lithuania. Mid-XIV - first half of the XVI century]. Tula, 2016. (In Russian).

Florya B. N. Orda i gosudarstva Vostochnoj Yevropy v seredine XV veka (1430–1460) [Horde and the states of Eastern Europe in the middle of the XV century (1430–1460)]. Slavyane i ikh sosedi. Iss. 10: Slavyane i kochevoj mir. Moscow, 2001. (In Russian).

About the author

Komarov Oleg V., member of the Problem Council at the State Historical Museum, Moscow (Russia).

E-mail: oleggg888@yandex.ru